

2
20

Огонёк

№ 12 — 13

1944 год



ПЕРВОМАЙСКИЙ БОЕВОЙ ПРИВЕТ КРАСНОЙ АРМИИ-ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦЕ!

ГОД
ОСВОБОЖДЕНИЯ
Б-10

ПЕРВОМАЙСКИЙ САЛЮТ



Вид на Кремль с Москвы-реки

Рисунок Т. Мавриной

На обложке: рисунок В. Климашина.

ПЕРВОМАЙСКОЕ

Алексей Сурков

От скал приполярного края
До горных карпатских громад,
Немецкие орды карая,
Орудия наши гремят.

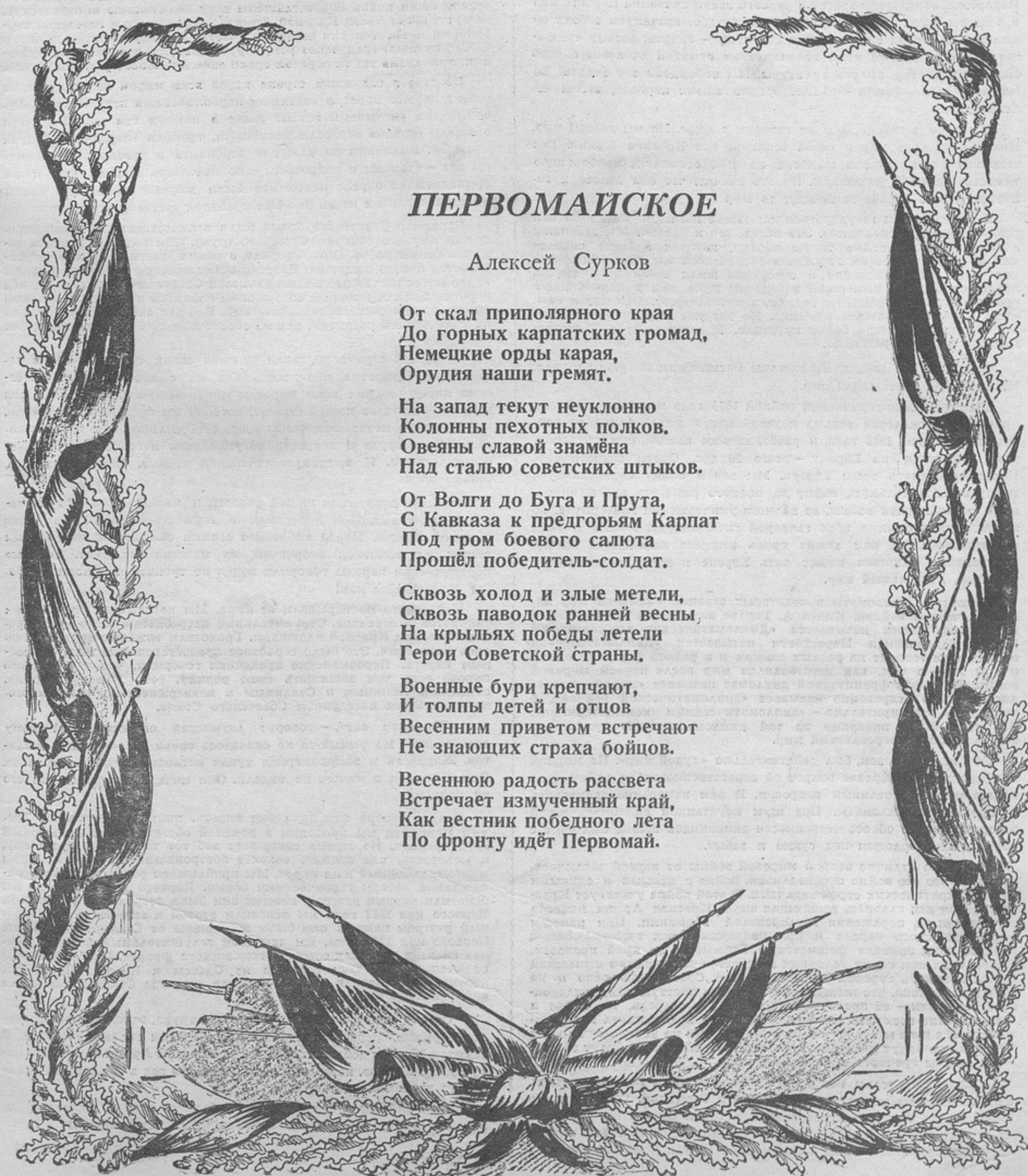
На запад текут неуклонно
Колонны пехотных полков.
Овеяны славой знамёна
Над сталью советских штыков.

От Волги до Буга и Прута,
С Кавказа к предгорьям Карпат
Под гром боевого салюта
Прошёл победитель-солдат.

Сквозь холод и злые метели,
Сквозь паводок ранней весны,
На крыльях победы летели
Герои Советской страны.

Военные бури крепчают,
И толпы детей и отцов
Весенним приветом встречают
Не знающих страха бойцов.

Весеннюю радость рассвета
Встречает измученный край,
Как вестник победного лета
По фронту идёт Первомай.



ВЕСНА ОСВОБОЖДЕНИЯ

Мы воюем с мыслью о близкой победе. Это мечта о счастливом будущем. Мы знаем, что победа недалека. И она тем ближе, чем больше боевая ярость наших славных воинов.

Быть может, никогда в году не сильна так мысль о жизни, исполненной счастья и труда, как весной, в майские дни. Сама природа говорит о жизни, побеждающей смерть, о творчестве, о любви. Недаром обаянием молодости и радости овеян праздник Первого мая в нашей стране. Мы его празднуем и теперь, празднуем в боях во имя жизни, в боях с врагом, имя которому — смерть, потому что фашизм в переводе на язык политических понятий означает смерть свободы человека, смерть культуры. Мы побеждаем эту смерть. Её гонит Красная Армия — олицетворение жизни народов, весны человечества.

Мы идём к победе. Мы не говорим о мире. Но мы делаем мир. Никто не делает мир в такой степени, как Красная Армия. Все согласны в том, что она выносит на себе основную, наибольшую тяжесть войны с фашизмом. Но это значит, что она делает и основное дело в борьбе за победу, за мир.

В нашем новом государственном гимне мы поём: «Мы в битвах решаем судьбу поколений». Это песнь, это и клятва. Мы добываем в Отечественной войне такую победу, которая избавит поколения от гнёта и рабства, от ужасов фашистской тирании. Мы воюем для того, чтобы спокойно и счастливо жили наши дети, внуки, правнуки. Ещё до нынешней войны мы привыкли измерять наше время, советское время, не годами, а пятилетками. Это новая единица истории, советская единица. Но мы уже переходили к масштабам времени, ещё более крупным. Мы говорили о 15-летнем периоде мирного развития.

Теперь, в дни войны, мы мыслим масштабами полувека и века. Мы воюем за длительный мир.

Между франко-германской войной 1870 года и войной 1914 года пролегло сорокалетие весьма неустойчивого мира. А между версальским миром 1919 года и разбойничьим нападением гитлеровской Германии на Европу — всего 20 лет. Сроки сократились. Нельзя допускать этого впредь. Мы ведём войну справедливую, войну освободительную, войну до полного разгрома врага, виновника разбойничьей войны, до полного уничтожения гитлеризма, до полного уничтожения всех главарей гитлеровской шайки и всех преступников, на ком лежит кровь мирного населения. Только искоренение фашизма может дать Европе и всему человечеству прочный, длительный мир.

Некоторые дипломаты в некоторых странах называют мир дипломатической войной. Книга А. Тардье называется «Мир». Книга Кикудзиро Иссии называется «Дипломатические комментарии». Книга Альдрованди Марескотти называется «Дипломатическая война». Они говорят на разных языках и в разной форме об одном и том же — о том, как изготавлялся мир после первой мировой войны. И то, что французский дипломат называет «миром», итальянский более откровенно называет «дипломатической войной», а японский примирительно — «дипломатическими комментариями». Все трое были поварами на той дипломатической кухне, где был изготовлен версальский мир.

Это, как мы знаем, был действительно «худой мир». На мирной конференции в Версале вопрос об ответственности за войну стал политически щекотливым вопросом. В нём намеренно запутались и юристы и дипломаты. Под шум неустанной дипломатической болтовни вопрос об ответственности виновников войны был снят с порядка дня, положен под сукно и забыт.

Коренное отличие второй мировой войны от первой заключается в том, что это война справедливая, война с ясными и едиными для демократических стран задачами. В этой войне участвует Красная Армия как главная, решающая сила. Красная Армия нанесла решающие поражения гитлеровской Германии. При помощи всего советского народа и при поддержке всех свободолюбивых народов она привела фашистскую Германию на край пропасти. Никогда, ни при каких условиях не удастся зачинщикам нынешней войны избежать суровой ответственности. Совершенно ясно и на деле установлено, что нынешняя война есть преступление гитлеровской Германии — её преступление в первую очередь, но также и преступление всех, кто гитлеровскую банду поддерживал и поддерживает. Народы ведут теперь войну, и они не успокоятся до тех пор, пока не будут наказаны преступники войны и не будут обеспечены основы прочного, длительного мира.

Кайзер Вильгельм мог удрать в Голландию и там отдышаться. Ему потом даже вернули все поместья в Германии. Гитлеру и его своре некуда бежать. Нет страны, в которой он мог бы укрыться от ответственности. И нет нужды в установлении со всеми юридическими тонкостями вины гитлеровской банды. Ясна эта вина.

Разгром гитлеровской Германии, искоренение главного, основного очага разбоя, человеконенавистничества, людоедства — это крупный шаг вперёд к торжеству международной справедливости. Основы справедливого мира закладываются теперь в боях нашей героической Красной Армией, оплотом дружбы народов. На её знамёнах начертаны высокие задачи освободительной войны, поставленные гениальным вождём советского народа товарищем Сталиным в согласии с задачами всех свободолюбивых народов. Эти задачи были вновь провозглашены в ту волнующую историческую минуту, когда части Красной Армии, изгнав врага с советской территории и, восстановив на одном участке государственную границу СССР, перешагнули через реку Прут и вступили в пределы Румынии, приблизив таким образом сроки окончательного разгрома врага.

Из года в год наша страна перед всем миром выражала свою волю к дружбе народов светлыми первомайскими праздниками. Лучезарными картинами встают ныне в памяти эти дни. Улицы и площади городов пестрели знамёнами, гремели энергичной, бодрой музыкой. Выходили на улицу и строились в праздничные колонны все — старики и подростки, — но молодость озаряла всё, и ей принадлежало первое место. Это были мирные праздники самой молодой страны в мире. Это был праздник весны человечества.

Первомай Советского Союза были величественными демонстрациями мирного социалистического труда. Они подводили итоги замечательных работ. Они говорили о новых достижениях в строительстве нового общества. Братски объединялись в общем мирном труде многочисленные национальности Советского Союза, и дружба народов была отражена в содержании плакатов и лозунгов, в ярком оформлении торжественных шествий. Всё для счастья народов, для их культурного развития, для их обеспеченного благосостояния, для их мощи!

Советская страна не таила от мира своих трудов и своих достижений. Напротив, она показывала их с достоинством. Советский народ говорил всем народам мира: смотрите, мы растём, мы множим богатства нашей страны, которой мы преданны беззаветно, мы трудимся неустанно, чтобы стать ещё сильнее. Мы создаём новые формы труда и неперестанно углубляем источники его производительности. И в этом залог нашей победы. Нам нужен мир, только мир!

Это были праздники нашей радости и нашей силы. На первомайских праздниках проходили в торжественном марше части Красной Армии. Народ любовался своими сыновьями, их твёрдым шагом, их воинской сноровкой, их мощной техникой. Военные первомайские парады говорили миру: не троньте нас, нашей страны! Не мешайте нам!

Мы ничего не скрывали от мира. Мы показывали всем наших танкистов и стрелков. Стремительные истребители ласточками проносились над Красной площадью. Грохотали тяжёлые орудия. Мчалась кавалерия. Это было серьёзное предостережение всем, способным видеть. Первомайские праздники говорили, что у советского народа есть чем защищать свою родину, есть Красная Армия, созданная Лениным и Сталиным и поддерживаемая всем многонациональным населением Советского Союза.

«Сапиенти сат», — говорит латинская пословица. «Умному достаточно». Но умных-то не оказалось среди гитлеровских бандитов. Жадность и высокомерная тупая наглость слепили им глаза. Они смотрели и ничего не видели. Они ничего не поняли, ничего не узнали.

Только теперь они начинают видеть, понимать, узнавать. Третий Первомай мы проводим в военной обстановке. Наш мирный труд прерван. Но страна совершает всё тот же путь к будущему, и молодость, как прежде, озаряет построенный в боевые ряды многомиллионный наш народ. Мы приближаем радостный час окончательной победы героическими боями. Первого мая 1942 года мы отметили первый разгром немцев: они были отброшены от Москвы. Первого мая 1943 года мы отметили второй и ещё более грандиозный разгром немцев: они были отброшены от Сталинграда. Ныне, Первого мая 1944 года, мы отмечаем оглушительный разгром немцев на всех участках советско-германского фронта. Они отброшены от Ленинграда. Они изгнаны из Одессы и Крыма. Преследуя противника, Красная Армия перешла границы СССР и перенесла войну на территорию врага.

Страна мирного социалистического труда, вынужденная взяться за оружие, одерживает победы над тёмными силами фашизма. В салютах Москвы доблестным войскам Красной Армии слышится миру тот же призыв, который звучал из года в год в орудийных салютах на первомайских парадах.

Советский народ салютует своей близкой победе, торжеству советской демократии, дружбе народов, весне человечества!

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

СТЕПНАЯ ГРОЗА

Константин
Паустовский

Рисунок Т. Мавриной



Серый от старости деревянный дом приткнулся к склону оврага.

Серый от старости деревянный дом приткнулся к склону оврага. Вверху, по краю оврага, шумели от весеннего ветра голые вербы, а внизу бормотал в талом снегу мелкий ручей. Вода в нём была чистая, холодная, и бормотала она, переливаясь через погнутую немецкую каску. Каска валялась в ручье давно, больше года, заржавела, но мальчишки со Слободки её не трогали. Может быть, потому, что мальчишки без надобности не выходили из дому, а может быть, потому, что мальчишки были теперь опытные насчёт мин. Тронешь такую каску — грохнет рядом мина, и тогда «бенц». Слово «бенц» на языке мальчишек означало всякую неожиданность, в том числе и внезапную смерть.

В доме жил старый учитель географии Иван Лукич, по прозвищу «Патагонец». Прозвали его так за высокий рост и за красноватое, обветренное лицо. Иван Лукич — человек одинокий и неразговорчивый — до войны много времени проводил в лодке на Днепре: удил рыбу.

Кроме Ивана Лукича в доме жил сейчас десятилетний Юрка, сын вдового рыбака с Карантинного острова. Почти каждое лето «Патагонец» навещал отца Юрки — Никифора Беспечного, — ездил с ним в днепровские плавни ловить сазанов. Детей у Никифора, кроме Юрки, не было. Перед приходом немцев Никифор отвёз Юрку в Херсон к Ивану Лукичу, сказал, что сам он, Никифор, уходит на шаланде со збурьевскими рыбаками на Кинбурн, будет там биться с немцами, как бились в стародавние годы с врагами «вечной памяти запорожские хлопцы».

Напоследок Никифор притянул к себе Юрку, взъерошил ему волосы, сказал:

— Дождись тут отцовского звонка. Слухай Ивана Лукича, потому что он знает, в чём наша препорция.

Никифор любил выражаться торжественно и туманно. Через день после ухода Никифора Иван Лукич собрался уходить с Юркой от немцев, но пришлось остаться: не на чем было переправиться через реку. Лодку свою Иван Лукич отдал бойцам, а моста не было.

Немцы в Слободку заходили редко. Они расположились в городе, грабили и убивали мирных советских граждан, многих угоняли в степь, где устраивали над ними дикую расправу. Рубили на дрова городской сад, насаженный ещё при Екатерине II, открыли в городском театре «казино с музыкой» для офицеров.

Иван Лукич и Юрка голодали. Юрка собирал по оврагу щавель — только щавелём и жили. Был ещё небольшой запас пыльных сухарей и немного картошки. Ловить рыбу на Днепре немцы запретили. Иван Лукич от этого очень страдал. Огорчался и Юрка: с малых лет он привык к бою шук под крутоярами, к запаху очерета.

Днём и в городе и на Слободке всегда было беспокойно. По ночам бывало не лучше, но Ивану Лукичу

и Юрке ночи казались безопаснее. Будто крошечная темнота в овраге отделяла их от немцев крепостной стеной.

В сумерки Иван Лукич закладывал дверь железным засовом, завешивал окна, зажигал старинный медный ночник, ставил по сторонам его на столе тяжёлые тома переплетённой «Нивы» и впервые за весь день спокойно закуривал толстую кручёную папиросу из махорки, смешанной с сушёной крапивой.

Юрка сидел у стола, смотрел на комнату Ивана Лукича, и всё в ней представлялось ему интересным и живым: огромный атлас Петри на столе в зелёном переплёте с золотом, пыльные колбы с семенами, дубовый книжный шкаф и часы в виде швейцарского домика.

Иван Лукич садился в потёртое ковровое кресло, доставал из ящика письменного стола железную коробку от икры с рыболовными принадлежностями и долго рассматривал крючки, поплавки, грузила, блёсны, перемерял шёлковые лески, вздыхал.

От письменного стола пахло крепким табаком и лекарствами. В ящиках лежали стопками пожелтевшая липованная бумага, стереоскоп с видами всех европейских столиц, медный бинокль и много других интересных вещей.

С каждым месяцем этих вещей становилось меньше. Иван Лукич продавал их на маленьком базаре-барачке и сам удивлялся, что находились на них покупатели.

Освобождение приближалось. С востока надвигалась Красная Армия, и Иван Лукич часто мерял старым циркулем карту, соображал, когда же советские части дойдут до города.

Однажды ночью Иван Лукич долго не спал, ворочался, к чему-то прислушивался, даже вставал. Было тихо. Только изредка прошумят и стихнут старые вербы или прогудит высоко над домом неизвестно чей само-

лёт. На рассвете Иван Лукич разбудил Юрку, сказал:

— Вставай! У тебя слух лучше моего.

Юрка вскочил, подошёл к окну. Утро было тёмное, серое. Окна запотели. Юрка протёр рукавом стекло, прижался к нему лбом. Стекло тихо звякнуло, и далекий, но мощный гул медленно прошёл мимо дома и затих в овраге. Потом раздался второй гул, третий. На окне в деревянной площадке зеленел посаженный Иваном Лукичем овёс; тоненькие его травинки наклонились к стеклу, будто тоже прислушивались к канонаде, вздрагивали.

Днём Иван Лукич ушёл на базар, чтобы разузнать новости. Юрка остался один. Он сидел на тёплом от весеннего солнца полу и рассматривал «Ниву» за 1907 год. Кто-то быстро подошёл к окну, постучал. Юрка закрылся томом «Нивы», осторожно выглянул из-за него. За окном стояла соседка — бабка Федосья — в тёплом платке.

Юрка открыл ей дверь. Бабка вошла, скинула платок с головы на плечи, зашептала:

— Немцы тревожатся, ходят скрозь по домам, ищут детей и родичей партизанских. Видно, тронулась их власть, и они перед концом хотят полжоват над людьми. Где Иван Лукич?

— На базаре, — шопотом ответил Юрка.

— Ну, смотри! — сказала бабка Федосья. — Все мы знаем, что ты внучек Ивана Лукича, а может, найдётся на Слободке подлюга, который и больше нашего знает и расскажет немцам, кто ты есть на самом деле. Тогда убьют немцы обоих вас на степу, в первой балочке.

— А его за что? — спросил Юрка; губы его тряслись.

— За то, что сховаешь тебя при родном отце-партизане, — ответила бабка. — Конечно, за его доброту. В

степь подаваться надо обоим. Придёт Иван Лукич, скажи ему. Тебя найдут — и его кончат. И дом спалат.

— А одного его не кончат? — спросил Юрка. — Без меня?

— Откуда я знаю, — ответила бабка. — Может, одного и не кончат. Надо думать, хлопчик, что и справди не кончат, — потому не будет у них никаких доказательств. А ты доказательство!

Бабка ушла. Юрка постоял среди комнаты, потом схватил свой кожушок и шапку, вышел, припер дверь палкой и побежал низом по оврагу в степь.

Степь только что начала просыхать от весенней грязи. Всюду в балках бежала вода, и жёлтые цветы «мать-мачехи» уже раскрывались на солнышке.

Юрка пробирался по балкам, подальше от хуторов. К северу ушли, затерялись телеграфные столбы железной дороги на Николаев. Потом перед собой в степи он увидел людей и свернул на юг. Люди копались в земле, — должно быть, рыли окопы или рвы против танков.

Остановился Юрка около старого шалаша-куреня. В курене никого не было, только валялись гнилой хворост и прошлогодние арбузные корки.

Юрка подобрал ссохшиеся арбузные корки, вытер о кожушок, начал жевать. Они были твёрдые, как кожа, но всё же их можно было разжевать в сладковатую кашку. Днём небо затянулось серой облачной скатертью, задул ветер, закачал слабую весеннюю траву. Юрка залез в шалаш, перевернул хворост, сел, засунул руки в рукава кожушка и задумался.

Что делать дальше? Вот он ушёл из города, чтобы из-за него, из-за Юрки, немцы не убили Ивана Лукича, ушёл и не взял ни одного сухаря, в смятении забыл про еду. «Буду тихо сидеть в курене, не двигаться, дышать носом, как советовал Иван

Лукич, — думал Юрка, — а выходить только в балочку за водой. Тогда продержусь целую неделю. А за неделю, может, и выбьют германцев и ихних полицаев, и не успеют они меня приколоть... А как же Иван Лукич?»

Юрка начал краснеть. Жар бросился ему в щеки.

Что он подумает, Иван Лукич? Ушёл, бросил его одного, старенького, напугался. Где ему догадаться, что Юрка ушёл, чтобы отвести от него опасности! И записку никак нельзя было оставить: придут немцы, найдут—тогда верная смерть. Что же делать? Отец всегда говорил, что нет на свете худшего «злодеяния», как бросить своего человека в беде. В качестве примера он рассказывал историю о Казачьем кургане, где похорожены запорожцы, перебитые врагами. Запорожцев выдал туркам из трусости свой же казак, и, как говорил Никифор, «того казака, что выдал товариство, турки вбили первого».

— И за дело вбили, Юрка! За дело! — добавлял Никифор.

Как же быть? Побегать разве обратно в город, объяснить Ивану Лукичу, почему он, Юрка, ушёл в степь?

В степи потемнело, ветер задувал всё сильнее. С юга, с моря, нагоняло низкие тучи.

«Подожду до ночи, — решил Юрка. — Ночью вернусь, тогда меня никто не увидит, не схватит. И уйдём опять в степь вместе с Иваном Лукичем».

Юрка обнял колени, опустил на них голову, затих, задремал.

Очнувшись он в темноте. Ветра не было. Юрка осторожно выглянул. Мгла лежала над степью, а на востоке глухо гремело, — должно быть, подходила гроза. «Лишь бы дождя не было», — подумал Юрка и посмотрел на крышу куреня. Она была сложена из дёрна. В темноте мутно белели дыры в тех местах, где дёрн обвалился.

Далеко в степи закричал человек. Юрка задержал дыхание, прислушался. Крик повторился, но уже дальше. Человек, должно быть, ходил по степи, спотыкался, искал кого-то, звал жалобным голосом.

«Сумасшедший, — подумал Юрка. — Разве здоровый будет ходить в такую ночь по степи, кричать на верную смерть?»

Юрка поднял голову, ждал. Крик не повторился. Было опять тихо, даже гром не гремел, и Юрка слышал, как тяжело, до искр в глазах, колотилось сердце.

Может быть, сумасшедший заметил курень, замолчал и подкрадывается к нему?

Юрка вылез из куреня, пополз по сырой земле, путаясь в ботве, в чёрных плетях, оставшихся с прошлого года от арбузов. Кто-то, громко топая сапогами, пробежал в темноте, остановился, сказал, задыхаясь: «Вот гадюки, чтоб их громом убило!» — и побежал дальше. Ещё никогда Юрка не видел такой страшной ночи. Небо было, как сажа, и всё кругом было, как сажа, и хоть бы одна звезда загорелась на небе!

Неожиданно мутным красным огнём вспыхнула чернота, осветился курень — он был совсем близко, — снова накатилась ночь, и такой гром ударил по земле, что у Юрки дёрнулась и заболела голова. Накатываясь друг на друга, торопясь, загрохотали разрывы, зашумел ветер, засвистела дикая ночь.

Юрка вскочил и побежал в степь. Он спотыкался, падал. Что-то чёрное и мокрое зашумело по земле, по колушам, и Юрка не сразу понял, что

ДВЕ ПОДРУГИ

Александр Решетов

На берега, колеблемые гулом,
Пришла весна. Артиллерист Смирнов,
Под стать цветенью, пушечное дуло
Затейливо раскрашивает вновь.

В письме к жене, как бы шутя, вторую
Подругой верной пушку он назвал.
«Жена моя, — писал он, — я с весною
Сильнее о тебе затосковал.

Так живо мне и тёплый ветер с юга,
И яркий луч, и синь речной струи
Напомнили, далёкая подруга,
Черты навек любимые твои.

Вчера огнём орудия дышали,
Весь вечер били мы, до темноты.
И этот бой забудется едва ли:
Мне в нём казалось — где-то рядом ты.

И всей душой я пережил тревогу,
И силой всей тебя оберегал.
Жена моя, весна моя, ей богу,
Я сил таких и сам в себе не знал!

Вот дрогнул берег, вражеские танки
Горбатые, как звери, шли на нас.
Их было семь... от четырёх остатки
В тыл повезли трофейщики сейчас.

Комбат сказал: — Отменная работа!
На похвалы комбат и скуп и строг.
В упор стреляли, как из пулемёта,
Дым не слепил нас и огонь не жёг.

Растаял дым, вновь тихою минутой
Мне пушку холить — молодец она...

Есть две подруги у меня. Как будто,
Ещё не подводила ни одна».

начался дождь. А с востока всё чаще разверзались залпы, будто кто-то разрывал небо, и за ним открывалось другое небо — из угрюмого, страшного пламени. Каждый раз, когда вспыхивал этот свет, Юрка видел, как будто косматое и злое солнце несётся, вертается и мигая, за пологом чёрных туч и гаснет тотчас, как только гаснут залпы.

Солнце мчалось в вышине с яростной быстротой. Юрка с ужасом смотрел на него; но вместе с тем каждая новая вспышка света открывала солнце на прежнем месте, словно во время короткой темноты оно возвращалось обратно.

Юрка закричал, ударился обо что-то большое, тёмное и упал. «Хата, — подумал Юрка. — Вся кривая, разбитая». Он схватился за угол хаты, упав рукой в густую грязь, и под сбоем грязи пальцы его наткнулись на холодную сталь. Зажёгся залп, и Юрка увидел забытые глиной гусеницы танка у себя над головой. Они висели, разорванные взрывом, тяжёлые и неподвижные. Пахло гарью, бензином.

Юрка шарахнулся, бросился назад, нога у него подвернулась. Он упал и услышал, как далеко в непроглядной ночи кричали сотни людей. «Сосились!» — вскрикнул Юрка и больше уже ничего не слышал, только земля скрипела у него на зубах.

Когда он открыл глаза, над головой, в чистом утреннем небе, лениво плыли, будто хотели остановиться, но не останавливались, лёгкие облака. На их белые верхушки нельзя было смотреть: так они сверкали от

солнца. Хотелось лечь на край такого облака и плыть над степью. Там, вверх, должно быть, дул слабый и тёплый ветер.

Юрка скосил глаза, но земли не увидел. Со всех сторон медленно плыли облака, будто он лежал в воздухе и огромное небо задумчиво вращалось вокруг него, как облачная карусель. Было совсем тихо, только свистела где-то рядом маленькая степная птица.

Юрка поднял голову и увидел по сторонам борта грузовой машины. Машина стояла. Юрка лежал на сухой соломе, укрытый колушом.

Потом над бортом машины показалась стальная каска. Юрка сжался, смотрел на каску, сердце его колотилось.

Каска медленно подымалась, и вскоре под ней появилось веснушчатое лицо бойца с выгоревшими бровями. Боец молча посмотрел на Юрку, тиниственно ему подмигнул. Юрка улыбнулся.

— Ага! — сказал боец. — Итак, значит, живы-здоровы?

Юрка молчал.

— Иван Петрович, — сказал боец кому-то, кто сидел, очевидно, на земле около машины, — похоже, что этот гражданин из колонии глухонемых.

— Не, — сказал Юрка таким сильным голосом, что ему самому стало неловко. — Я не глухой. Я из Херсона. А вы откуда?

— Мы? — спросил боец. — Мы костромские. Прибыли в ваше расположение для организации немецкого драпа.

Глухой бас из-под машины сказал:

— С добрым утром, молодой человек! Не желаете ли консервов? Свинобобовых?

— Здравствуйте, — тихо ответил Юрка и сел. — Я сейчас слезу.

Юрка вылез. Низко по горизонту стлался дым. Около машины сидел на куче щебня высокий бородатый боец и открывал ножом консервную банку. Он, усмекаясь, посмотрел на Юрку и кивнул ему головой. Маленький чёрный водитель вытирает тряпкой стёкла в кабине.

— Арутюн! — позвал бородатый. — Иди, садись, режь хлеб. Бобы мировые.

— Я резать хлеб не могу, — ответил водитель. — Я весь горячим пропах, около меня даже курить опасно.

Так началось знакомство Юрки с бойцами. Они рассказали ему, как подобрали его на рассвете, чуть начало розоветь над степью. А Юрка, поев консервов, осмелев, рассказал им о Никифоре, об Иване Лукиче, о том, как он, Юрка, жил в Херсоне и убежал, чтобы не подвести Ивана Лукича под немецкий расстрел. Бойцы слушали, ковыряли в жестянке ложками.

— Итак, — сказал боец в веснушках, — допросом установлено, что указанный гражданин, — боец сделал свирепое лицо и посмотрел на Юрку, — есть сын рыбака, партизанщого на Кинбурне, и воспитанник старого педагога, каковой педагог в свободное от служебных занятий время интересуется ужением рыбы на Днепре. Правильно я вас понял, молодой человек?

— Правильно, — неуверенно ответил Юрка и на всякий случай спросил: — А вы кто такие?

— Мы члены общества любителей соловьиного пения, — ответил боец с веснушками.

Юрка улыбнулся: очень забавно разговаривал веснушчатый. Но бородатый боец и водитель, должно быть, привыкли к его разговорам и продолжали ковыряться в банке с бобами, не обращая внимания на веснушчатого. Только водитель сказал:

— Брось дурачиться. Мы связисты.

— Вот что, хлопчик, — сказал бородатый боец. — Ты до Херсона один не дотянешь. Определённо не дотянешь. Всего ещё много: и мин, и одиночных немцев по степи, и чорт его знает чего. Лезь в кузов! Мы доедем до моря, а оттуда Арутюн вернётся в Херсон. И тебя доставит. Сговорились?

— Сговорились, — ответил Юрка. — А вам зачем к морю?

— Много будешь знать, облысешь!

Вскоре машина тронулась. Ветер зашумел в ухах. Из-под колёс на молодые травы полетели комья грязи. Чем дальше шла машина, тем сильнее дул ветер, тем громче пел веснушчатый боец незнакомую Юрке песню:

«Эх, позарастили все стёжки-дорожки!»

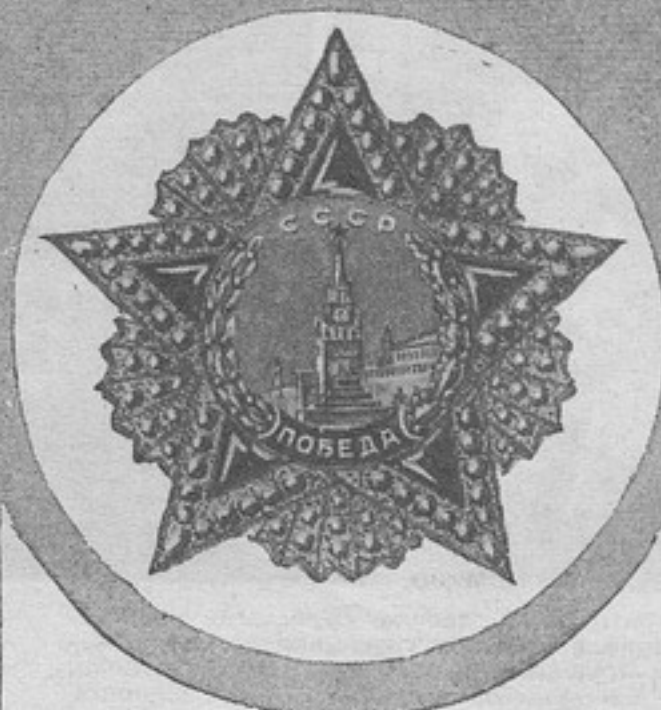
Юрке уже казалось, что война где-то далеко и что не было здесь никаких немцев. Казалось так, может быть, потому, что бойцы ничего не говорили о войне, а может быть, потому, что машина бежала на юг, к морю, по глухой просёлочной дороге, а бой шёл в стороне, на западе. И если бы не толпа пленных немцев, которых вели всего два конвоира, то Юрка совсем бы позабыл о войне. Немцы были почерневшие, будто копчёные, и тяжело месили грязь низкими сапогами.

Машина остановилась около рыбацей лагуны. Юрка высочил и прищурился — широко летел в лицо разгонистый ветер, а под обрывом, совсем рядом, бежало навстречу морю, разливалось зеркалами по пескам, несло солёную пыль.

КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА «ПОБЕДА»



Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.



Выдающиеся советские полководцы маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский первыми награждены высшим военным орденом «Победа». Этой наградой они отмечены за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков.



Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Пока бойцы вытаскивали из машины связки проволоки и ящики, Юрка сбегал на берег. Волны подымались, вода просвечивала зелёным, бутылочным цветом. Потом они с грохом падали на песок и уходили, уволаскивая голыши, крабов и неизвестно как попавшую в море мандариновую кожуру. Пахло рыбой, дёгтем и ещё чем-то солёным и свежим, — должно быть, волнами.

Вдали желтел низкий берег. Над ним расплывались в небе тёмные шары разрывов.

«Кинбурн, — подумал Юрка. — Там ещё немцы и, должно быть, отец бьётся с ними, выбивает последних, гонит прямо в Чёрное море дельфинов на ужин».

Водитель позвал Юрку, сказал, что пора ехать. Юрка зашёл в лачугу попрощаться с бойцами. Внутри было пусто, мусорно, стояла старая лавка, и только в углу висела такая же икона, как и у них в хате на Карантинном острове, — чёрный дед в серебряной ризе, святитель Николай из Мир Ликийских, заступник рыбацкого племени. За икону была заткнута сухая ветка вербы, а рядом на стене висела немецкая пилотка.

Веснушчатый боец подметал лачугу веником из полыни. Он сдёрнул пилотку со стены, бросил в печь, — там уже горел огонь под котелком. Но бородастый боец вытащил пилотку щепкой, вынес и выбросил в степь.

— Кулеш, — сказал он, — дело чистое. Не годится чадить около него немецким барахлом.

Юрка поблагодарил бойцов, попрощался с ними.

— Погоди! — сказал веснушчатый. — Есть разговор.

Он вынул из вещевого мешка коробку от печеня, развязал её, осторожно порывшись в ней и протянул Юрке три раскрашенных гусиных поплавок. На одном были синие, оранжевые и жёлтые полосы, на другом — крошечные цветы и травы, а на третьем — множество разноцветных, как маковые зёрна, точек.

— Сам красил, — сказал веснушчатый застенчиво. — Я тоже рыболов. Всюду с собой их таскаю. Устану, разверну их, погляжу, потрогаю — и как будто и не было утомления. Пустая вещь — поплавок, а вот, подумай, какая от него поддержка. Вспомнишь зорю на нашем озере, кусты; вода стоит тихая, светлая, пар над ней по утрам, журавли курлычут на болотах. Хорошо! Знаменито! И сразу у меня легче становится шаг. Один поплавок возьми себе, другой — твоему папаше, а вот этот, с цветами, — учителю твоему. Так и скажешь: «От Семякина Ивана, рыбака и бойца. В знак почтения».

Юрка спрятал поплавок в шапку и ушёл сконфуженный и радостный.

В середине дня машина остановилась при въезде в город, около Слободки. Юрка выскочил, попрощался с водителем и побежал к себе в овраг. Дым ещё стоял над городом. В небе звенели серебряные самолёты, и Юрка видел у них на крыльях маленькие красные звёзды. Юрка спустился в овраг, перескочил через ручей, увидел погнутую немецкую каску, схватил и зашвырнул далеко в молодой бурьян. Потом он посмотрел

на Слободку и остановился. Облупленные и серые слободские хаты сверкали, как снег. Женщины в подоткнутых платьях мазали стены квачами, обводили синей каймой окна, а одна — Христина, белозубая и дерзкая на язык, — даже нарисовала над каждым окном пышные пионы.

— Здоров! — крикнула Христина Юрке. — Всей Слободкой после немцев мажемся. Теперь наша Слободка, как небесный рай. И Иван Лукич мажется!

Юрка побежал к дому Ивана Лукича. Он издали увидел, как Иван Лукич стоит на табурете и мажет кистью высоко под крышей. Окна в доме были впервые открыты настежь, и только что вымытые фикусы блестели на солнце.

— Иван Лукич! Здравствуйте! — крикнул Юрка и вдруг заплакал.

Больше он ничего не мог сказать. Иван Лукич обернулся, уронил кисть, торопливо слез с табурета, подошёл к Юрке. Стёкла очков Ивана Лукича были забрызганы мелом.

Иван Лукич схватил Юрку за плечи, потряс, обнял, поцеловал и снял очки. Со стёкол упало на землю несколько мутных от мела капель. Иван Лукич вытер глаза, сказал:

— Жив! Голодный, небось, как волчонок? Ещё бы не голодный! Ты зачем удрал? Думаешь, я не знаю. Я, брат, всё знаю и одобряю. Завтра партизаны возвращаются с Кинбурна, Никифор приедет, а ты замурзанный, как галчонок. Пойдём! Переоденешься. Чай сейчас вскипит.

Иван Лукич снова потряс Юрку за плечи и повёл в дом. В комнатах бы-

ло весело, пахло чистотой, весной, вымытыми полами. На полу около окна дрались из-за червяка два взъерошенных воробья, тянули червяка клювами каждый к себе.

Увидев Ивана Лукича и Юрку, воробья бросили червяка и со страшным переполохом удрали в окно.

— Чертенята! — закричал Иван Лукич. — Разворовали червей!

Иван Лукич взглянул на Юрку. Юрка смеялся. Иван Лукич покраснел, пробормотал:

— Понимаешь, утром накопал целую банку подлистников. Для окуня нет лучшей насадки. И, пожалуй, даже для леща. Так... впрок накопал.

Тогда Юрка достал из шапки два раскрашенных поплавок и протянул Ивану Лукичу.

— Это вам от одного бойца-рыболова, — сказал он. — От Семякина Ивана в знак почтения.

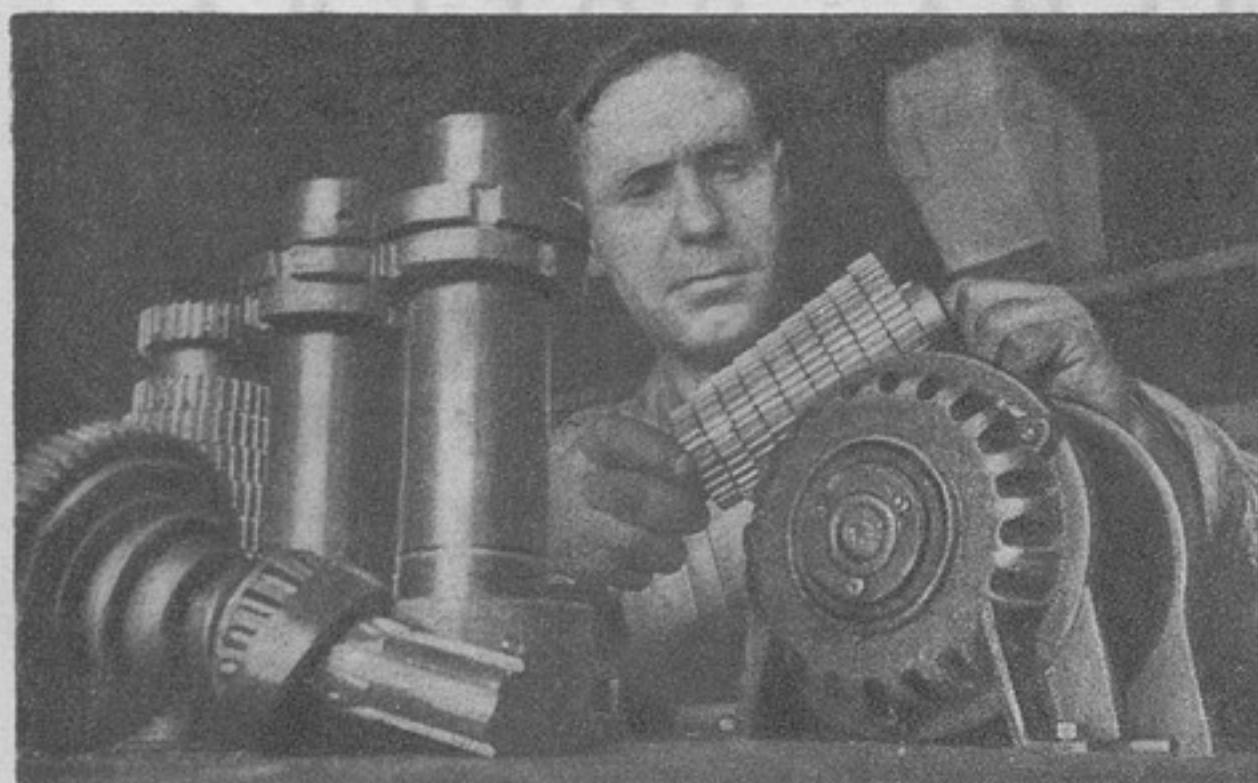
Иван Лукич взял поплавок, осторожно провёл по ним пальцем, улыбнулся:

— Спасибо! Это на счастье. Такой поплавок будет плавать в днепровской воде, как цветок с каких-нибудь Гавайских островов. Значит... двинем после чая на Днепр, Юрка. Удочки у меня в полном порядке.

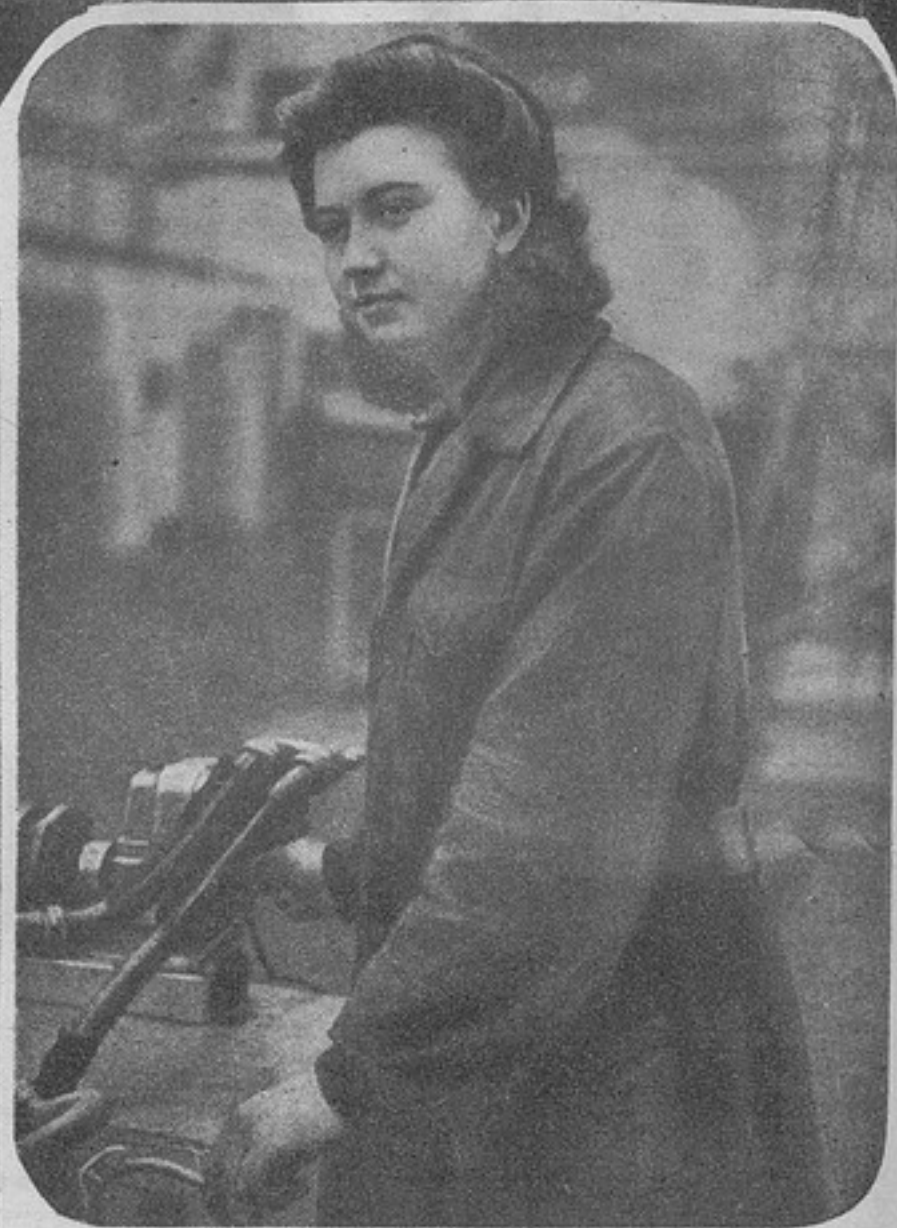
— Двинем, Иван Лукич, — ответил Юрка. — Вот только чаю напьемся.

За окнами весело перекликались женщины, пела Христина, кричали воробья. От распускавшихся верб пахло нагретой корой, и как на праздник, хороводом ходили над городом и днепровским разливом, сверкая в небесной голубизне, серебряные самолёты.

ПРЕДМАЙСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ



По почину коллектива московского ордена Ленина станкостроительного завода «Красный пролетарий» по всей стране широко развернулось предмайское социалистическое соревнование. На снимках: у инициаторов соревнования. Слева — старый кадровик «Красного пролетария» М. С. Лубяко, выполняющий по четыре нормы в смену и больше. Справа — слесарь-сборщик А. И. Зотов, дающий на поточной сборке узлов токарных станков 300% нормы.



Слева: шлифовальщица Новосибирского инструментального завода комсомолка Мария Журавлёва, включившись в предмайское соревнование, выполняет по 2—3 нормы за смену. Справа: бригадир Н-ского завода Клавдия Канурская, её бригада, перейдя на поток, сократила свой состав и повысила выработку вдвое.



Два брата-татарина Идият и Даут Аскадулины работают в одном забое на шахте 5—7 имени Кирова треста «Анжеруголь» (комбинат «Кемеровуголь»). Скоростники-забойщики братья Аскадулины выполняют свыше трёх норм в смену. Передовики предмайского соревнования на фабрике «Пролетарский труд» (Москва): Фронтонская комсомольско-молодёжная бригада барабанщиц Гуторовой, систематически перевыполняющая производственные нормы.



Фото М. Озерского, Л. Смирнова и Фотохроники ТАСС



Н Е Н А В И С Т Ь

Гендрик ван Лоон

Рассказ

Рисунки К. Елисеева

Перевод Ю. Смирнова

Всего три месяца назад мой друг был ещё в Гааге, мирно и незаметно выполняя свои обязанности врача и принимая участие в подпольном антифашистском движении. Узнав однажды, что подписан приказ об его аресте, он совершил головокружительный побег и добрался до Америки. Сейчас он сидит в моём кабинете.

Мы проговорили далеко за полночь, и, в конце концов, разговор зашёл о ненависти. Странная тема для людей нашей нации, ибо голландцы всегда были известны своим миролюбием и доброжелательностью. После первой мировой войны голландцы настежь открыли двери своих домов и свои сердца для голодающих немецких детей, десятки тысяч которых нашли приют в Голландии. Но когда фашисты вторглись в эту миролюбивую страну, то им помогали эти самые мальчики, ставшие взрослыми. В украденных военных формах голландской армии они затесались в ряды голландских солдат и открыли огонь им в спину. Так немцы отблагодарили Голландию! Большая часть Роттердама, уже после подписания перемирия, была сравнена с землёй фашистскими лётчиками. Миддлбург, один из прекраснейших городов Голландии, был сожжён дотла...

Меня интересовал вопрос: как подобная преднамеренная жестокость отразится на характере голландцев?

Мой друг налил себе чашку чая, затем сказал: — Люди, которые говорят о том, каким будет мир после окончания войны, совершенно упускают из виду одну вещь необычайной важности.

— Какую именно? — заинтересовался я.

— Я говорю о проблеме ненависти и о национальной гордости, настолько глубоко оскорблённой, что успокоить её сможет только месть, столь же ужасная, сколь и справедливая. В Европе, в первые же недели после окончания войны, произойдёт такой силы взрыв ярости и ненависти, какого мир ещё не знает. Позвольте мне передать вам один рассказ. Он не имеет автора. Это народный рассказ, который передаётся из уст в уста по всей Голландии. Услышав его, вы поймёте, насколько успешно немцы взрастили в своих жертвах ненависть по отношению к себе.

Вот этот рассказ в том виде, как мне его передал мой друг:

«Война окончилась. Гитлер был схвачен и привезён в Амстердам. Военный трибунал приговорил его к смерти. Но какой смертью должен он умереть? Расстрелять или повесить его казалось слишком быстрой, слишком милосердной казнью. Тогда кто-то предложил: человек, который причинил миру столько невероятных страданий, должен быть сожжён на костре.

— Но, — запротестовал один из судей, — самая большая площадь Амстердама может вместить не больше десяти тысяч человек, а захотят быть там, чтобы проклясть изверга в последние минуты его жизни, миллионы.

У другого судьи родилась идея: костёр должен загореться от длинного запального шнура, протянутого через всю Голландию, из Роттердама через Дельфт, Гаагу, Лейден и Гаарлем в Амстердам. От искры вспыхнет порох, который в свою очередь подожжёт костёр. Таким образом, миллионы людей, собравшись на широких шоссе, связывающих эти города, смогут наблюдать, как постепен-

но будет гореть шнур, направляясь на север, к погребальному пиру «герра» Гитлера.

Было проведено народное голосование, чтобы узнать, достаточно ли это наказание. Только один голос был подан «против». Человек этот предлагал, чтобы Гитлер был разорван на части четырьмя лошадьми.

Наконец великий день настал. Церемония началась в три часа июньского утра. Мать троих сыновей, расстрелянных фашистами за «саботаж», подожгла конец шнура. Хор запел торжественный гимн благодарности. Собравшиеся толпы народа закричали от радости.

Искра медленно продвигалась от Роттердама до Дельфты и дальше, к огромной площади Амстердама. Люди приехали со всех концов страны. Специальные места для сидения были отведены для престарелых и больных, а также для людей, чьи родные погибли от рук фашистских убийц.

Гитлер, одетый в длинную жёлтую хламиду, был прикован к позорному столбу. Он сохранял молчание до тех пор, пока маленький мальчик не взобрался на дрова, сложенные у ног бывшего фюрера, и не повесил плакат, на котором было написано: «Величайший в мире убийца». Это так возмутило сдерживаемые чувства Гитлера, что он разразился одной из своих речей.

Толпа ахнула. Это было комическое зрелище — маленький человечико, декламирующий словно перед своими последователями. Затем ужасающие раскаты хохота заставили его замолчать.

Наступила величайшая минута дня. Около трёх часов огонь достиг окраин Амстердама. Раздался барабанный бой. И с чувством, таким чувством, которого они никогда не испытывали, люди запели национальный гимн. Гитлер, посеревший, словно пепел, тщетно рвался из цепей.

Когда гимн кончился, огонь был всего в нескольких метрах от пороха. Ещё пять минут — и Гитлер умрёт ужасной смертью. Толпа разрази-

лась криками ненависти. Прошла минута. Другая. Снова наступило молчание. Теперь огоньку осталось пройти всего несколько сантиметров. И в этот момент произошло невероятное...

Сморщенный, седой старичок протолкался сквозь ряды солдат. Его знали все. Двое его сыновей были убиты немецкими парашютистами. Дочь повешена. Жена с двумя другими дочерьми погибла при уничтожении Роттердама. С тех пор несчастный человек, казалось, потерял рассудок. Он — предмет всеобщей жалости — бесцельно бродил с места на место и жил народным милосердием.

Но то, что он сделал сейчас, заставило толпу побледнеть от ярости. Ибо он, наступив на фитиль, погасил искру!

— Убить его! Убить! — кричала толпа.

Но старик тихо повернулся к угрожавшим ему людям и медленно поднял руки к небу. Голосом, полным ярости, он произнёс:

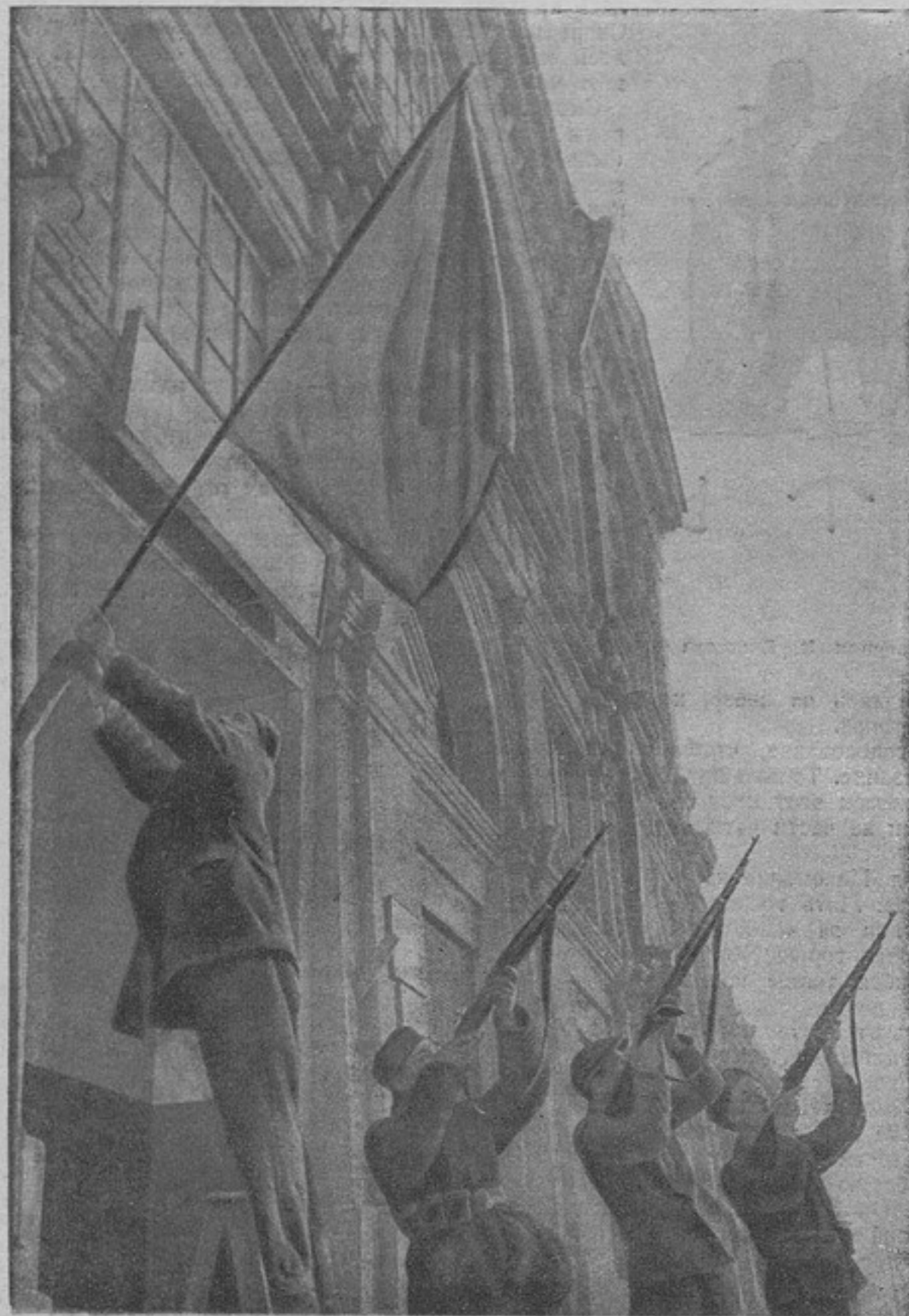
— Теперь давайте сделаем всё это сначала!..

Мой друг замолчал. Я содрогнулся.

— Да, — сказал он, — всегда рассказывая эту историю, я тоже содрогаюсь. Ибо ненависть, которая могла родить подобный рассказ, — самая страшная на свете.



Люди приехали со всех концов страны...



Вместе с частями Красной Армии в город вошли партизаны, радостно встреченные одесситами. У здания партизанского штаба вывешивается красный флаг. Залпами из винтовок партизаны салютуют красному знамени, снова развевающемуся в свободной Одессе.

Немедленно после освобождения города на улицах был восстановлен полный порядок. Охрану города взяли на себя на первое время патрули городской обороны. Вот один из патрулей у здания театра оперы и балета имени Луначарского (нижний снимок).



На площадях и перекрестках замечали флажки регулировщиц (снимок в центре).

Одесса освобождена!



Я был в Одессе в 1941 году, в тяжёлые дни нашего отступления.

Мы оставляли тогда этот чудесный город, его прямые и тенистые улицы, просторные площади, утопающие в зелени бульвары. Мы оставляли одесскую землю. Таков был приказ. Сердце сжималось от боли. Это была горькая разлука.

И вот теперь мы снова в Одессе, снова здесь, в этом городе, жемчужине советского юга.

Первое, что я увидел с самолёта, когда он распластал свои крылья над Одессой, — был дым пожаров. В порту, в приморской части города горели взорванные, подожжённые немцами дома. В центре гавани лежал подбитый вражеский транспорт, и он со всей убедительностью говорил нам: с врагом покончено. Он сброшен в море, он бежал без оглядки.

В районе сортировочной станции множество железнодорожных составов, повозок, автомашин: немцы не успели угнать всё это в Германию. Вот самолёт пронёсся над знаменитой Приморской лестницей — историческим и архитектурным памятником Одессы. Она была цела. Цел и памятник Ришелье. Он стоит, этот прекрасный памятник, на фоне домов с зияющими пустотой глазницами окон. По лестнице, соединяющей приморскую и центральные части города, уже гуляют одесситы. Они радостно приветствуют Красную Армию. Они ходят по одесской земле, истинные хозяева города.

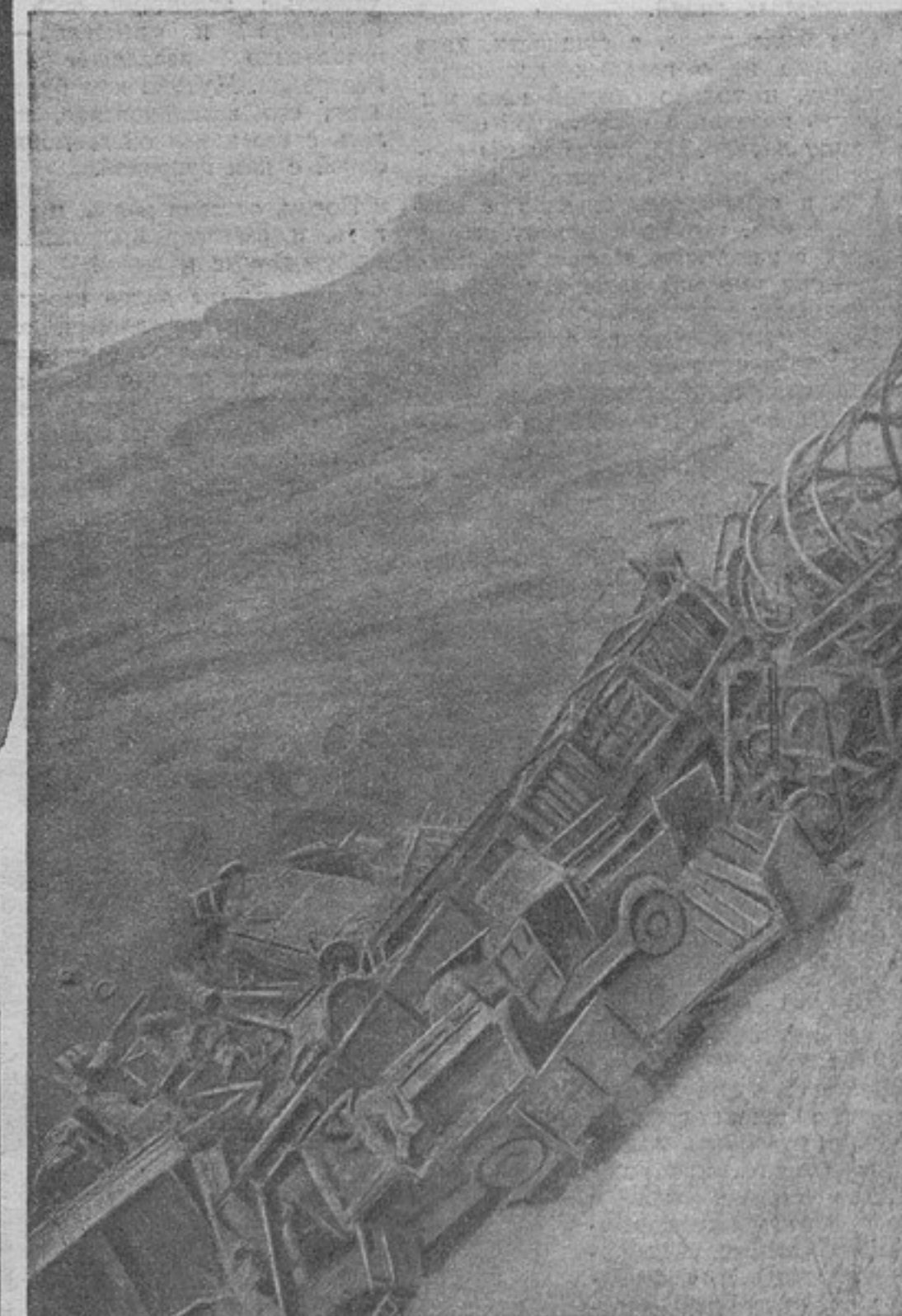
Врагам не удалось превратить Одессу в румынский город. Одесса будет жить, она уже живёт полнокровной жизнью. Здравствуй, Одесса! Как прекрасно наше возвращение, как радостна наша встреча!

Текст и фото С. Гурарий

Население Одессы восторженно приветствует бойцов и командиров Красной Армии.



↑ С Приморского бульвара открывается вид на порт. Там ещё стелется дым от горящих складов и портовых построек. Это немцы подожгли их, отступая из города. Справа видна знаменитая Приморская лестница.



Красная Армия не дала немцам возможности эвакуировать их военные грузы. Гитлеровцы пригнали эшелоны на край высокого обрыва и столкнули их вниз к морю. Груды исковерканного железа, разбитые вагоны, машины — всё это является здесь красноречивым свидетельством разгрома немецко-румынских банд.

Одесса скоро снова станет чудеснейшим, красивейшим городом советского юга. В первый же день после изгнания немецко-румынских оккупантов жители вышли на улицы с лопатами и кирками. Они сносят понастроенные немцами укрепления, очищают улицы.



Перед своим отъездом из Москвы я встретил композитора Попова, который тяжело больным был эвакуирован из осаждённого Ленинграда, поправился и ныне снова пишет музыку. Мы были с ним соседями, когда жили в городе Пушкине: он — в так называемом Полуциркуле, я — в Zubовском флигеле Екатерининского дворца.

— Знаете, — сказал мне Попов, — если будете в Пушкине, поглядите, что осталось от моего жилья. Говорят, немцы утащили оба моих рояля к себе в блиндажи. На позиции. Может быть, найдутся какие следы?

Я обещал...

Лет десять назад я занял летнюю квартиру в жилом Zubовском флигеле с той стороны, которая обращена в парк. Из окон был виден фонтан белого мрамора, чудесные по живописному подбору расцветок деревья, кусты старых подстриженных сиреней, весёлые дорожки между газонов. Мне показалось, что в отдохновенном этом углу недостаёт цветов, и я решил поставить на балкон ящик с душистым горошком и петуниями. Одному из хранителей дворца, строгой женщине, не понравилась моя затея.

— Надо убрать ящик, — заметила она, — он портит фасад. На другом балконе ящика нет. Видите? Это ассиметрично и нарушает стройность архитектурных линий.

Она была права, в сущности, хотя речь шла не о главных дворцовых фасадах, и только строгий глаз мог осудить появление чужеродной общему виду детали. Но, когда цветы распустились, мне стало жалко убрать ящик, и сама хранительница с ним примирилась, вероятно, потому, что в цветах есть большая сила убеждения, — они уместны даже там, где их не ожидают встретить.

Царскосельские парки созданы для того, чтобы человек покорился природе, которой рука художника помогла раскрыть все свои волшебные свойства в одном легко обозримом месте. Тот, кто прошёл по этим аллеям в осенний день, когда пруды упоённо повторяют в своих неподвижных стёклах все краски мира и на мостах через каналы лежат первые опавшие листья клёна, тот запомнит этот день как счастливый в жизни. У меня таких дней было много: я накопил их, как богат копил драгоценности, и в моей памяти, не умирая, хранятся червонные купола дворцовой церкви, сияющие в закатный час, и в тот же час, тем же червонным золотом облитые осенние парки.

Ночами, когда поперёк аллей ложились чёрные тени двухсотлетних екатерининских лип и окаменелые парки состязались с музейным молчанием дворцов, мне казалось, что камни зданий и мрамор статуй неразъемлемо объаты, окованы полами аллей, и я блуждал, точно лунатик, и тишина была для меня слаще всех земных звуков.

Всё пронизано здесь историей, её дыхание ясно ощущаешь, и вдруг, когда увидишь из-за дерева какой-нибудь обелиск или какую-нибудь колонну, живой голос Пушкина, неотделимый от Царского Села, раздаётся у тебя в ушах:

РАССКАЗ О ДВОРЦЕ

Конст. Федин

«Садятся призраки героев
У посвящённых им столпов...»

О призраках героев, бродя по паркам, я часто говорил с соседом — композитором Поповым. Идешь ночью мимо приземистого Полуциркуля, приближаешься к позолоченным кружевным воротам дворца, слышишь — рояль. Если Попов не сочинял, то играл классику, и свободный удар его пальцев быстро уводил меня в тишину, которая однажды возникла в прошлом и вечно живёт в будущем.

В маленькой комнате рояль занимал половину всей площади, а в смежной комнате, такой же маленькой, стоял другой рояль — жены композитора, тоже пианистки, — и стена между комнатами была затянута мягкой обивкой, чтобы музыканты не слишком мешали друг другу.

Перед низким окном простирался парадный двор, и стоял дворец, протяжённый в длину на триста метров, с его колоннами и согбенными под их тяжестью атлантами, весь в лепке орнамента и вензелей — пышное, празднично веселящее создание Растрелли. Музыка как будто объясняла его возникновение, переплеталась с его каменной гармонией, жила одной с ним природой.

Потом, оставив рояль, мы шли бродить, и разговор продолжал мысли, возбуждённые музыкой.

Однажды мы долго стояли у церковного флигеля дворца, под большим деревом, протянувшим сильный прямой сук к невысокой крыше Полуциркуля, и в тени дерева говорили о русской и немецкой музыке, о единстве и столкновениях культур. Я помню, как назывались в тишине имена Михаила Глинки, Мусоргского, Скрябина, Себастьяна Баха, Иосифа Гайдна, классическую форму которого не

затмили Бетховен и Моцарт. Это был хороший разговор. Его питал город искусства, город муз — Пушкин...

И вот два года этот город был во власти немцев. И я пришёл через обожжённую огнём и кровью землю, пришёл в город муз, чтобы увидеть, как обошёлся с ним кратковременный его властелин.

Всё, что хранилось под кровлей дворца, исчезло. Исчезла и сама кровля. Стены, как грандиозный старый, издырявленный сундук без крышки, содержит в себе обломки утрат, полов и потолков, кучи сора, обугленные пожарами. Нет и следов картин, мебели, нет и следов сотен зеркал и жирандолей, тысяч орнаментальных украшений из мраморов, серебра, фарфора, золочёных багетов. Всё, что немец успел похитить, он похитил. Всё, что не успел, — предал топору. Остатки тканей на уцелевших простенках, остатки бронзы на сорванных дверях и рёбрах только утверждают, что погром произведён тотальный и что здесь воздвигнута вечная память немецкому позору. И точно для того, чтобы весь мир видел, что здесь хозяйничал вор, мрачно чернеют когда-то сверкавшие купола и кресты церковного флигеля: золото слизано с них тщательно и жадно.

Я стал обходить дворец, подолгу вглядываясь в его смертельные раны. Сквозь зияющие оконные проёмы я посмотрел в комнаты Zubовского флигеля, где жил, кажется, целую вечность назад. Исковерканные массы каких-то нагромождений тянулись там к небу, будто взывая о возмездии.

И вдруг я увидел на балконе цветочный ящик. Сизый от времени, он висел на прежнем месте. Взрывы, сотрясения, огонь, бушевавшие внутри дворца, не тронули его своим неистовством, он остался неприкосновен-

ным. Тогда в моей памяти с живостью возник укоризненный голос:

— Надо убрать ящик. Он портит фасад. На другом балконе ящика нет. Это ассиметрично.

Да, как и прежде, на другом балконе не было никакого ящика. В этой ассиметрии, хотя и мало заметной, был виноват я, и, может быть, мне следовало в своё время послушаться строгого хранителя дворца. Теперь было странно, что никчёмный ящик оказался единственным предметом, уцелевшим во всём дворце после немцев. С горечью удивляясь этому, я двинулся дальше в свой круговой обход.

Разгромленный Полуциркуль, как согнутая рука скелета, всё ещё обнимал парадный двор. Солнце освещало снеговые сугробы на месте белых комнат и коридоров. Вот груды камня и кровельного железа, обнажённые от снега вольным ветром, провалившиеся в коробку здания. Здесь я слушал музыку, глядя через окно на застывшие светотени дворцового фасада, отсюда отправлялись мы в наши блуждания по аллеям парка — я и мой сосед, композитор.

Я обернулся и сквозь поломанную решотку взглянул на парк. Некогда дружные толпы деревьев рассеялись и в широких просветах пустот, вместо лип, клёнов и вязов, росших здесь веками, торчали пни, валялись перепиленные стволы и обрубки сучьев.

И я пошёл дальше и скоро кончил свой обход, вернувшись к церковному флигелю. Там, у подъезда, я вспомнил почтовый разговор с композитором после музыки, — о единстве и столкновениях культур, вспомнил имена, которые тогда назывались, — имена Мусоргского и Скрябина, Баха и Гайдна. Я вспомнил что мы стояли тогда под большим деревом, протянувшим сильный прямой сук к невысокой крыше Полуциркуля. Я осмотрелся и узнал это дерево. Я узнал его и увидел, что прямой сильный его сук оголён от мелких веток и с него свешиваются четыре верёвки, слегка расплётённые на концах и чуть-чуть колеблемые слабым ветром. Я не двигался и не отрывал глаз от верёвок. Мне казалось, своим мерным покачиванием они говорили о себе всё, что я должен был знать. Но я чего-то не понимал и не мог от них оторваться. Тогда неожиданно раздался спокойный голос:

— Интересуетесь, гражданин?

Позади меня стоял милиционер.

— Немецкая виселица, — пояснил он. — Немец тут четверых советских граждан повесил. Наши пришли — сняли.

Я молчал. Он тоже помолчал, потом спросил:

— Дворец осматривать будете? Или уже познакомились?

— Познакомился, — ответил я, — познакомились. Мы ещё немного помолчали и расстались.

Когда я опять встречаю композитора Попова, я прочитаю ему этот рассказ.



Варварски разрушенный немцами Екатерининский дворец в городе Пушкине. Слева: опустошённый и разгромленный большой зал дворца; справа: главный вход.

Фото Галины Санько

СВОБОДНАЯ ЮГОСЛАВИЯ

Три года назад, в апреле 1941 года, над Югославией навис мрак немецкой оккупации. Гитлер со своей алчной челядью — кликами вассальных стран — раскромсал живое тело славянской страны, намереваясь утвердить господство тевтонов на берегах Савы, Дравы и Моравы, обратить в рабство миллионы сербов, хорватов, словенцев.

Но югославский народ разбил вдребезги планы своих поработителей. Он

своей борьбы, от оккупантов освобождено 130 тысяч квадратных километров, больше половины территории Югославии. 300-тысячная народно-освободительная армия Югославии совместно с партизанскими отрядами, в упорных, ожесточенных боях продолжает очищать от врага родную землю.

В освобожденных областях Югославии создано временное правительство —

металлист. Комитет национального освобождения, созданный Антифашистским вече (народным парламентом) страны, опирается на поддержку миллионов масс югославского народа.

Горы Боснии, Герцеговины и Черногории, побережье Далмации и Словении являются ареной яростных и кровопролитных сражений и схваток. Шесть раз немцы совместно с бандами усташей, домобранцев и четников предпринимали наступление против югославской армии и партизан, но безуспешно. Только за последний год оккупанты потеряли 150 тысяч солдат и офицеров и массу военной техники.

Тридцать вражеских дивизий находятся сейчас на югославском театре военных действий. Но они не в состоянии ни сосредоточиться для создания сплошного фронта, ни применить обычную тактику маневренной войны. Катастрофически обстоит у гитлеровцев с переброской подкреплений, с подвозом боеприпасов и продовольствия. Причина заключается в том, что части армии Тито и партизанские отряды неутомимо действуют на коммуникациях противника; им помогает население, которое ненавидит оккупантов лютой, неугасимой ненавистью. Большинство железнодорожных линий страны бездействует. Взорваны сотни мостов, выведены из строя железнодорожные колей, связывавшие Боснию, Герцеговину и побережье Адриатического моря. Отремонтированные сегодня железнодорожные сооружения и участки завтра вновь взлетают на воздух.

* * *

О жизни в Югославии рассказывает корреспондент английской газеты «Ньюс кроникл»:



Под этим трёхцветным национальным знаменем с пятиконечной звездой сражаются, побеждают и гонят немецких захватчиков с родной земли доблестные югославские патриоты.

«В каждой деревне имеется свой комитет освобождения. В оккупированной части Югославии эти комитеты организуют подпольные ударные отряды, переправляют продовольствие через горы в партизанские районы и распространяют полученные отсюда газеты.

В освобожденных районах комитеты избираются тайным голосованием всеми гражданами обоего пола, достигшими 18 лет. В ведении комитетов находятся отряды внутренней безопасности, состоящие из пожилых мужчин и женщин. С винтовкой на плече они патрулируют дороги,

станцию «Слободна Югославия». Сильное впечатление производит уверенность партизан в правоте своего дела и их вера в будущее».

На примере войны в Югославии вновь подтверждается, что гитлеровцы теряются и становятся беспомощными, как только обстановка перестает соответствовать тому или иному пункту немецкого военного устава. «Своими операциями, — писала газета 8-й британской армии «Ньюс», — югославские партизаны сперва приковывают немцев к базам, а затем заставляют их высылать карательные экспедиции, ослабляя тем самым гарнизоны. После этого патриоты атакуют врага с двух или трёх направлений... Стратегия маршала Тито разработана с большим искусством».

В рядах армии Тито сражаются с немцами иностранные добровольческие соединения: итальянская дивизия, чехословацкая бригада, батальон болгар. Сейчас, после оккупации немцами Венгрии и Румынии, из этих стран в соседнюю Югославию устремляются венгерские и румынские добровольцы для участия в борьбе с общим врагом.

Югославия покрыта могильными холмами. Свыше



В ущельях Динарских гор, круто поднимающихся от Адриатического моря и заполняющих югозападную часть Словении, Хорватии и Боснии, всю Герцеговину и Черногорию, несут службу верные сыны югославского народа — бойцы народно-освободительной армии и партизаны. На снимке: разведчики одной из частей, сражающихся против немецкой альпийской дивизии, направляются вдоль берега реки Дрины на выполнение боевого задания.

поднял оружие против немцев и их прислужников из «пятой колонны» — Недича, Павелича, Михайловича.

Сейчас, весной 1944 года, в итоге трёхлетней героиче-

Комитет национального освобождения — и действуют местные органы народной власти. Во главе Комитета и вооружённых сил стоит овеянный легендарной славой маршал Иосип Броз-Тито, рабочий.



На заседании Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Председатель веча доктор Иван Рибар обращается с речью к народным избранникам. На стене за трибуной висит полотнище с лозунгом борющегося народа Югославии: «Смерть фашистам, свобода народу!»

охраняя их от немцев и требуя предъявления партизанского пропуска от лиц, проходящих через ту или иную деревню. Комитет обеспечивает и продовольственное снабжение. Половина урожая оставляется для нужд местного населения; иногда продукты закапывают в землю — на случай прихода немцев. Другая половина передаётся военному командованию данного района для снабжения войск.

Девушки-партизанки руководят домами культуры. В большинстве домов культуры и в военных лагерях имеются трофейные радиоприёмники. Люди толпятся у аппаратов, слушая Москву, а также

полтора миллионов мирных жителей погибли от руки немецко-фашистских убийц. Сожжены и разрушены тысячи деревень, сотни городов, варварскими бомбардировками с воздуха, начавшимися ещё в первый день вторжения, нанесены огромные раны Белграду. Велик и страшен счёт, который предъявит немецким оккупантам героический народ Югославии.

Самоотверженность и пламенная любовь к родине, проявляемые югославскими патриотами, вызывают восхищение у всех братских славянских народов и во всём цивилизованном мире.

Л. В.



Жалкий вид имеют тевтонские «завоеватели», гитлеровские грабители и убийцы. Взятые в плен бойцами Тито близ города Банья Лука, идут они под конвоем на этапный пункт, откуда будут направлены в один из лагерей военнопленных.

Литературные новинки

КНИГА О РИМСКОМ-КОРСАКОВЕ

Литература о великом русском композиторе Н. А. Римском-Корсакове существует почти на всех языках мира. Наиболее ценные труды о Римском-Корсакове принадлежат В. В. Стасову, А. В. Оссовскому и сыну композитора — А. Н. Римскому-Корсакову, написавшему обширную биографию отца, четыре выпуска которой уже вышли в свет, а пятый, законченный автором незадолго до смерти, готовится сейчас к печати.

Опубликованная Музгизом к столетию со дня рождения Римского-Корсакова работа академика Б. В. Асафьева — ценнейший

Автор подробно останавливается на национальных истоках музыки Римского-Корсакова, на её тесной связи не только с русским народным эпосом и песней, но и с народным искусством в целом. Законченность мастерства композитора «коренным образом сопряжена с русскому народному искусству в его носителях и мастерах — от сказителей до запевал и певцов, выводящих подголосок, от иконописцев и художников фрески до умельцев тончайшей резьбы и орнаментчиков».

Именно этой связью объясняется обращение компо-

Стасова, авторская программа знаменитой «Шехеразеды». Это место стоит привести полностью:

«Некий мореход, странствуя долго и пылливо, не полюбил морю, и когда однажды потерял в волнах всё состояние, кроме парусной лодки, в которой и бродил по необъятному пространству, то проклял свою алчность и страсть к приключениям. Пристав, одинокий, нищий, к необитаемому острову, он после встречи с добрым духом получил талисман — перстень, пользование которым дало ему одну за другой удачу в подвигах и наслаждение дара-

ми природы и любви. Но алчность взяла своё: презрев красоту мужественных деяний и праздников жизни, не найдя в себе ответной любви, мореход, нагрузив корабль драгоценностями, вновь отправляется в странствование. Кораблекрушение. Всё погибло. Опять безбрежная стихия моря, величаво красивая, безучастная и среди неё одинокая лодка».

Много нового узнаёт читатель и о педагогической деятельности Римского-Корсакова, о его беседах с учениками, о взглядах композитора на музыку, о его вкусах и симпатиях, о вы-

ступлениях как дирижёра, о работе над редактированием, окончанием и инструментальной обработкой произведений Даргомыжского, Мусоргского и Бородина.

Написанная в живой, увлекательной форме, монография академика Асафьева воссоздаёт во всей полноте облик одного из величайших деятелей русской музыкальной культуры, укрепляя уверенность в духовной мощи и богатырской силе русского народа, который был подлинным учителем и вдохновителем Римского-Корсакова.

Игорь Бэлза

НОВОЕ В СКАЗАХ БАЖОВА

Выходец из горняцкой семьи, в прошлом журналист и краевед, Павел Петрович Бажов как писатель поздно «нашёл себя», и известен он советскому читателю главным образом как автор «Малахитовой шкатулки».

В книге «Дореволюционный фольклор на Урале» рассказывается об одном энтузиасте — кладовщике, крестьянине Ефиме Колпакове. В поисках счастья он до глубокой старости упорно долбил каменную уральскую землю.

— Давно люди золото, камня самоцветные копают, — рассказывал неутомимый старик, — а до самого страшного золота дойти всё не могли. А начали и до этого золота доходить — до главного богатства. Услыхал царь подземный, стучат кайлы да лопаты, и стал он бояться, как бы страшное золото от него не ушло — людям не досталось. И принялся царь подземный отводить то золото, прятать его стал. Созвал он слуг своих верных и всех зверей подземных, страшных и сказал:

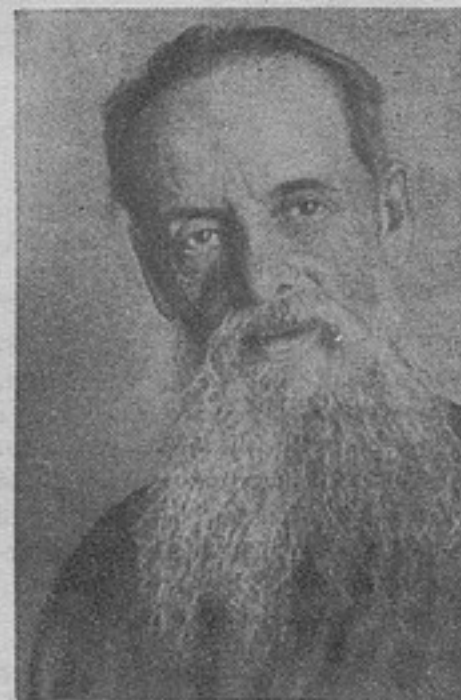
— Не будет тут золота, камней самоцветных, а будет вместо их красавица пригожая, дочь наша, жить и здравствовать. Только тот, кто узнает слово потайное, особое, нашу дочь в полон возьмёт — ему и всё золото и камни самоцветные достанутся.

Вот она, бажовская «Девка Азовка», «Золотая девка», стерегущая подземные богатства, Медной горы хозяйка, прекрасная Малахитница, увидишь — вовек не забудешь! По курным измам да охотничьим балаганам старого Урала, в рабочих бараках, на баржах, сплавлявших демидовский чугун в «город Сан-Петербург», рассказывались «тайные сказки» о лазоревых пещерах и похороненных в них камнях-самоцветах, путь к которым открыт «удалому да счастливому».

Слышанное в раннем детстве с годами облеклось реальной плотью. В Красногорском заброшенном руднике, где, по преданию, хозяйничала Девка-Малахитница, началась разработ-

ка золотой жилы. Пионеры Полевского завода, прославившиеся о «старых людях», некогда обитавших на Азовгоме, обнаружили там оружие древнего происхождения.

Для Бажова поэтический словарь рабочего сказа — это словарь мастера-уральца, это — не что иное, как



Лауреат Сталинской премии П. П. Бажов.

поэтизация его производственной практики. Знаток и ценитель цветистой народной речи, Бажов уже на склоне лет набрёл на свою «жилу», сумел найти для неё «потайное слово» — Урал заговорил, и как заговорил!

В своей заботе о филигранной шлифовке словесного сырья мудрый мастер сродни екатеринбургским граверам, умевшим «тонкой огранкой» показать полную силу камня.

Опалённые на «огненной работе» кричные мастера далёкого прошлого, «беглые людишки», Камской Вольницы, могучие молоторужейники Златоуста — художники «украшенного оружия» (придавленные к земле каторжным произволом господ и их «щегарей», но твёрдые духом); все эти трогательные заводские девчушки — Васёнки, Таютки — излюбленные его герои.

Великая отечественная война, всколыхнувшая Урал,

не прошла мимо Бажова. Большевик, общественник, Павел Петрович Бажов в своём творчестве всегда современен. В своих сказах о мастерах, начатых в дни войны, он из сказочника отчасти превращается в историка. В прежней, сказовой манере повествует он о даровитых самородках, художниках из народа, но это уже не легендарные персонажи из «Малахитовой шкатулки». Мастер каслинского литья Василий Торокин, рисовщик и позолотчик Булатов, Иванко-Крылатко, задумавший «немцев в выдумке перешагнуть», — всё это реальные лица, жившие и работавшие на Урале. В музее Златоуста до сих пор хранятся клинки работы «мастера Ивана Бушуева, прозванного «Иванко-Крылатко».

Лукавая усмешка прежнего Бажова сменяется острым сарказмом, когда в противовес русским «крылатым» самоучкам рисует он заезжих «учёных» мастеров из немецких земель:

«Отделает Фуйко саблю и похваляется:

— Это есть немецкий ра-

бота!»

Начальство ему поддувает:

— О, та. Такой тонкий работа русски понимают не может». В своём сказе «Иванко-Крылатко», как и в сказе «Жизинка в деле», Бажов поднимается до большой высоты, это — своего рода фольклорная «классика». Прозрачный, как зеркало уральских озёр, местами упруго звенящий булатной сталью, местами рассыпающийся ласковой скороговоркой, язык этих сказов ещё раз показывает, какого мастера обрела в лице Бажова русская литература.

«Уезжая на Украину восстанавливать Донбасс, я увожу с собой «Малахитовую шкатулку», чтобы никогда не расставаться с Уралом», — пишет доктор технических наук профессор Уманский.

С книгами Бажова в вёшевом мешке идут в бой суровые уральцы-гвардейцы. Командиры подлодок Заполярья, погружаясь в океан, берут с собой «Малахитовую шкатулку».

В. Таубер



Лауреат Сталинской премии Б. В. Асафьев (справа) беседует с В. Н. Римским-Корсаковым — сыном великого русского композитора.

Фото Ал. Лесс

вклад в литературу о гениальном композиторе. Имя автора книги (подписавшего большую часть своих трудов по истории музыки псевдонимом Игорь Глебоз) хорошо известно и в Советском Союзе и за рубежом. Работы Б. В. Асафьева неизменно отличаются глубиной мысли, подлинной научностью изложения и широким охватом темы. Блестящая эрудиция автора, необычайная тонкость суждений и анализа всегда увлекают читателя — не только специалиста-музыканта, но и каждого, любящего музыку. Новая работа первого в СССР академика-музыковеда, обладая достоинствами, присущими всему, вышедшему из-под его пера, предназначена для широких кругов читателей и содержит очерк о жизни и многогранной деятельности Н. А. Римского-Корсакова и углублённый анализ его творчества.

Б. В. Асафьев (Игорь Глебоз). Николай Андреевич Римский-Корсаков. Государственное музыкальное издательство, 1944.

зителя к сюжетам из русской истории (оперы «Псковитянка», «Царская невеста»), былинного («Садко») и сказочного эпоса («Снегурочка», «Сказка о царе Салтане», «Кашей бессмертной» и «Золотой петушок») и легендарных сказаний, одно из которых легло в основу «Сказаний о невидимом граде Китеже».

Отмечая, что в сказочных операх Римского-Корсакова раскрывается народная мудрость, создавшая художественные символы торжества светлого, солнечного начала в жизни и природе над тёмными силами, Б. В. Асафьев пишет, что «Китеж — «глубоко реалистическое и мудрое выражение русской патристической, оборонной тематики».

С захватывающим интересом читаются также страницы, посвящённые вдохновенной лирике корсаковских романсов и симфонических произведений композитора.

Здесь Б. В. Асафьев рассказывает много нового, основываясь на личных беседах с Римским-Корсаковым и его друзьями.

Так например здесь впервые изложена, со слов Б. В.



ВОЙНА НЕВИДИМОК

Ник. Шпанов

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Советские люди — капитан III ранга Житков и его друг Найдёнов — работают над лаком, сообщаям невидимость перископу подводных лодок. Немецкие шпионы — Витема и его сообщник Мейнш — пытаются добыть рецепт этого лака. Кроме этого задания Витема, едущий в СССР под видом англичанина Бэра, должен выполнять диверсионные акты — подрывать транспорт, везущие военный груз в СССР. Витема в пути вербует Майлса — штурмана «Марин-Глорни» — и, шантажируя его, заставляет подложить в трюм валягательные снаряды, заключённые в консервные банки. Житкову и Найдёнову дано поручение преследовать Витему. С риском для жизни оба друга забираются на неприступный мыс Моржовый. Они подозревают, что отсюда подаются сигналы немецкой подводной лодке. Неожиданно к этому мысу подходит катер. На нём два незнакомца. Завязывается перестрелка. При перестрелке один из незнакомцев ранен.

4. СВИДАНИЕ НА ПРИСТАНИ

Следующим утром советский представитель, назначенный для сопровождения груза хлопка, представился капитану «Марин-Глорни». Шкипер послал стюарда за мистером Бэром, чтобы познакомиться суперкарго с советским коллегой. Вернувшись, стюард доложил, что мистер Бэр сошёл на берег. При других обстоятельствах такого рода поступок, вероятно, не мог бы удивить шкипера, но тут он не удержался от ворчливого замечания:

— До сегодняшнего утра Бэр ни разу не побывал на берегу, а именно сейчас, когда он понадобился... Шкипер приказал стюарду: — Как только мистер Бэр появится, скажите мне, — и добавил, обращаясь к русскому. — Несколько замкнутый субъект, но дело своё знает. Может быть вам полезен.

— Вы очень любезны, сэр, — ответил советский агент на частом английском языке.

Судя по всему, отсутствие суперкарго несколько не удивило его. Если бы капитан «Марин» был более наблюдателен, он, вероятно, заметил бы даже, что, когда стюард докладывал об отсутствии Бэра, у русского промелькнуло в глазах нечто вроде усмешки, словно он заранее ждал именно такого ответа.

— Вам угодно теперь же переселиться на корабль? — осведомился капитан.

— Если позволите, завтра с утра.

— Мне будет приятно провести рейс с представителем вашей великодержавной страны.

По искреннему тону, каким говорил старик, можно было заключить, что это не пустая любезность. Русский не менее любезно и искренно ответил:

— Ни минуты не сомневаюсь, что вы смогу доставить вам и половине того удовольствия, которое получу в вашем обществе, сэр.

Старик подал русскому руку, и тот почувствовал такое крепкое пожатие старика, что нахмурившиеся было брови его сразу разошлись и он весело сказал:

— В вашем лице я встречаю именно такого человека, каким представлял себе британского моряка.

К ним подошёл вызванный шкипером первый штурман.

— Мистер Майлс, мой первый офицер, — без всякого энтузиазма представил его шкипер.

Майлс и русский раскланялись и вместе отправились на палубу, где полным ходом продолжалась погрузка «Марин».

К вечеру, расставшись с Майлсом, советский агент вернулся в меблированные комнаты на краю города. Первое, что он сделал, войдя к себе в номер, — сорвал накладные усы и со вздохом облегчения швырнул их на подзеркальник, сразу превратившись в обычного Житкова.

— Уф! Хоть Тарас Иванович и говорил, будто нынче их ловко издеваются, но, ей-богу, мне постоянно хочется почесать губу под усами.

— Если бы ты знал, как чешется прорастающая борода, то понял бы, что твои усишки — пустяки, — слышался с койки голос бородача, лежавшего с книжкой.

Не всякий, даже близкий, признал бы в нём Найдёнова.

— Как удался день?

— В наилучшем порядке. Шкипер — симпатичнейший старикан. Первый штурман... первого штурмана беру на карандаш.

— За что?

— Первый раз в жизни вижу такого обжору. Можешь себе представить: уединяется в самых укромных уголках корабля, чтобы есть... как ты думаешь, что?

— Ананасы?

— Кабы ананасы, а то... свиную колбасу.

— Ну, Паша, это ты хватил!

— Голову даю на отсечение: он бегал в трюм есть консервированную колбасу. Когда он спускался в трюм, у него в кармане была банка колбасы, вылез — банки не стало.

— Тебе то что? Не твоя колбаса.

— Я ничего и не имел бы против такого времяпровождения мистера Майлса, ежели бы он хоть пустые банки наверх приносил. А то выходит, он колбасу с банкой харчит.

— У каждого свой вкус.

— Такой вкус мне и не нравится.

— Дело в банке?

— В банке, Сашенька.

— А ты не пробовал проследить, куда он банки из-под колбасы девает?

— Пробовал, Сашенька.

— Ну и?..

— Никаких следов. Можно подумать, что он и впрямь их съедает.

— Н-да, странная склонность!

— Или странный штурман. Ежели ещё учесть, что лазать в трюм при погрузке — вовсе не его дело, а второго офицера и суперкарго,

— Которое может явиться наиболее вероятным объектом покушения.

— А ежели сам злодей на нём находится?

— Значит, нам делать там нечего. Но зато мы будем почти наверняка знать: виновником взрыва должен был быть Бэр.

— С его отбытием ускользнут и кое-какие интересные нити.

— До отплытия необходимо за них ухватиться.

— Ты уверен в том, что Бэр и Витема — одно лицо?

— Никаких сомнений. Старый знакомец тут как тут.

— Тем хуже... для него.

— Ах, Паша, если бы мы имели право схватить его под жабры!

— Да, когда я был юн и зелен, мне это представлялось чертовски заманчивым. Но теперь я вижу, что выгоднее бывает дать шукле поплавать. Сколько сателлитов Витемы мы с тобой уже выловили благодаря тому, что нам не позволили по нашей неопытности его сразу обезвредить.

— Пожалуй, Зуденшельд был самым опасным и самым ловким из его команды.

— Признаться, Сашок, в первые часы знакомства с пастором ты и не подозревал, с кем имеешь дело? Небось, самым искренним образом принялся помогать жертве гестапо, а?

— Был грех, — засмеялся Найдёнов, — если бы не Валёк...

— Радостно всё-таки сознавать: ежели дашь промах, — всегда есть кому тебя исправить, подпереть, по-



Витема вынул пневматический пистолет и оттянул затвор.

мочь тебе. Знать, что, даже если провинился, тебя не сожрут тут же с костями, как это делается в их волчьей стае. Помнишь фонограммку, которую Тарас Иванович нам как-то показывал?

— Которую?

— Беседа Витемы с Фюрстенбергом.

— Да, у них по-волчьи. И не волки они даже: волк — слишком благородная животное, чтобы на его мерку немцев мерять. Шакалы они — вот кто. Посуди, из каких побуждений Витема всю жизнь делает пакости? Деньги, деньги и деньги. Остальное — только ширма для основного импульса.

Житков расхохотался:

— Если бы ты знал, каким идейным бароном он прикидывался при нашем первом знакомстве! А я-то слушал, развесив уши, честное слово, готов был верить!

— Клевещешь на себя.

— Ей-богу, собирался обращать его на путь истины. И будь у нас их система работы, «каждый за себя» — быть бы мне на крючке. Спасибо, одёрнули вовремя, эдак ласково, невидимой рукой, но довольно основательно. Или попасть впросак, как мы с тобой на Портово. Ей-ей при их системе работы пропали бы мы за поношку табаку. А тут гляди: живы и руки-ножки целёхоньки... Говори, что хочешь, а мне до сих пор сдаётся: ох, не случайно появился у Моржового сторожевой катерок! И кому бы это ни с того, ни с сего пришло в голову, что двум дурням туго приходится на мысу, куда и высадиться-то невозможно, а? Нет, нет, не случайно нас подобрала пограничники. Руку Тараса Иванова всегда почувствуешь.

— Да, как руку родины, непреодолимо могучую и ласковую: в беду не даст. Однако возвращаюсь к делу: что же предпринимать, ежели Майлс остаётся на «Марии»?

— Придётся перебираться на другое судно, грузное, наиболее лакомое для вратов грузом. Можно с уверенностью сказать: сеть Витемы не ограничивается «Марией-Глорией».

— Если Майлс сойдёт на берег, это будет означать, что мои подозрения насчёт консервов не лишены оснований.

Найдёнов подумал и решительно заявил:

— И в этом случае тебе тоже придётся спастись, — заметив удивлённый взгляд Житкова, он поспешил пояснить: — Ты будешь сидеть на «Марии», как на пороховой бочке, едва ли в силах чем-нибудь ей помочь. Едва ли тебе удастся отыскать эти проклятые банки с «колбасой». На «Марии» пойду я. При помощи «уха» я обнаружу снаряды. Шум часового механизма даст себя знать.

— За кого ты меня принимаешь, а? Я сойду на бережок, а ты отпразднуешь на «Марии», которая рискует загореться или взорваться!

— Так ведь у меня же «ух»!

— Я возьму твой «ух», а тебя на «Марии» не пушу. Ты здесь нужнее моего.

— Послушай, Паша, во имя нашей дружбы...

— Не проси — не уступлю, — он перебил разговор: — Прикажи-ка лучше самоварчик подать, не хочется вылезать в коридор без усов.

Через десять минут старый медный самовар лениво посапывал на столе. А через полчаса друзья уже лежали в койках.

Засыпая, Житков раздумывал: правильно ли он поступил, отложив на завтра переезд на «Марии»? Не лучше ли было бы оставаться поближе к подозрительному штурману? Но, с другой стороны, такая поспешность

могла и спугнуть Майлса, если подозрения в отношении его не были напрасными.

Хотя наутро Житков вскочил чуть свет, Найдёнова уже не было. Житков тотчас отправился в порт. На «Марии» была уже приготовлена для него каюта, и стюард доложил, что капитан просит его к первому завтраку.

От шкипера Житков узнал то, что для него не было неожиданностью: Бэр исчез. Шкипер просил Житкова как более сведущего в местных порядках сделать соответствующее заявление советским властям.

Тут же шкипер сообщил и вторую новость, уже более интересную для Житкова; первый штурман не пойдёт в рейс; он списывается с «Марии-Глории» и ложится в портовый лазарет.

— Он, кажется, поранил себе бок, упавши в трюм, — сказал шкипер, — но, между нами говоря, действительная причина его списания вовсе не в этой ране, а... — шкипер посмотрел в глаза Житкову и грустно покачал головой: — Не очень-то приятно говорить это о моряке и своём соотечественнике, но, честное слово, мне сдаётся, что Майлса держат здесь не рана, а страх. Да, да, самый обыкновенный страх.

— Чего же он боится, когда все его товарищи рядом с ним?

— Да, так, как вы, рассуждает всякий моряк. Но у Майлса, говоря между нами, не душа моряка. Ему всюду чудятся немецкие субмарины; в каждой консервной банке он видит перископ.

— Вы серьёзно полагаете, что из-за этого он и лёг в госпиталь?

Шкипер оглянулся на дверь, у которой во время завтрака стоял обычно стюард, и, воспользовавшись его отсутствием, нагнулся к собеседнику:

— Если и рану-то он себе нанёс не для того, чтобы списаться.

— У нас за это беспощадно судят. Шкипер махнул рукой:

— Какой смысл? Моряка из него всё равно не сделаешь. Нет, таскаться по судам — не моё дело.

— Итак, всё дело в субмаринах?

— Да.

— А как вы смотрите на это дело?

Шкипер пожал плечами:

— Я моряк.

— Этим многое сказано. Когда мы снимемся?

— Сегодня к ночи... На траверзе Моржового будем ещё в темноте.

— А причём тут Моржовый? — с виноватым видом спросил Житков.

— Говорят, что там в минных полях есть какой-то просвет, которым пользуются джерри, мы, англичане, так прозываем немцев. Субмарина всплывает и торпедирует какой-нибудь корабль в караване.

— Так просто?

— Так говорят... Я не военный...

Житков задумался. Потом достал из кармана пустую консервную банку.

— Вам это знакомо, сэр?

— Ещё бы, три тысячи тонн этого добра я доставил сюда.

— Здесь сгрузили всё?

Шкипер кивнул головой.

— Каждому из команды, кто найдёт на судне такую банку, выдаётся награда, — сказал Житков. — Можно сделать такое объявление?

— Если вы так любите эту колбасу, я просто подарю вам ящик.

— Нет, награда выдаётся только за те банки, полные или пустые — безразлично, которые будут найдены в трюмах, в угольных ямах.

— Консервы в угольных ямах?! — удивился шкипер.

— Представьте себе.

— Вы чего-то не договариваете.

— Я скажу всё, когда мы отладим швартовы.

К концу дня Житков был обладателем целой коллекции консервных банок. Одни из них были опорожнены, другие ещё наполнены сваным фаршем, но не было ни одной, содержимое которой показалось бы ему подозрительным.

Чуть ли не каждые полчаса распаковывался иллюминатор житковской каюты и за борт летела жестянка. У Житкова всё ещё не было нужной ему банки. Он вышел на мостик, где прохаживался старый шкипер. До отхода «Марии-Глории» оставалось два часа. Житков решил сойти на берег, чтобы предупредить Найдёнова о списании Майлса и поручить штурмана попечению друга. Увы, Найдёнова в гостинице не было. Не нашёл его Житков и в других вероятных местах. Со слов коридорного Житков узнал, что Найдёнов забегал домой, где его ждала записка, подсунутая под дверь. Прочтя эту записку, Найдёнов тут же собрался и ушёл.

Это соответствовало истине. Действительно, когда Найдёнов прибежал

домой, под дверь номера был засунут конверт. В нём лежала записка следующего содержания:

«Саша, как можно скорее приходи в порт, в конце десятого дебаркадера между двумя последними пакгаузами. Жду с очень важными материалами.

Павел».

Всё в этой записке показалось Найдёнову странным: зачем Житков называет его по имени и подписывается своим. Он знает, что то и другое законспирировано. Зачем ему понадобилось свидание в таком глухом закоулке, куда и днём-то нет охоты идти...

Странно было всё.

Найдёнов вертел записку, поглядел на свет, даже понюхал. Бумага издавала едва уловимый аромат хороших духов. Он слыл этот запах с запахом мыла на умывальнике — не то. Странно, очень странно! И тем не менее нельзя не идти. Если страхи напрасны, если записка написана действительно Житковым, — а в почерке придраться было не к чему, — нельзя терять ни минуты.

Найдёнов быстро собрался и пошёл в порт. Прежде всего он приблизился к «Марии-Глории» и послал к её борту грузчика, чтобы вызвать советского агента. Грузчик вернулся к нему с тем: Житков в это время ходил по городку в поисках Найдёнова.

Найдёнов решил, что ему не остаётся ничего иного, как направиться к десятому причалу.

По мере того как он удалялся от оживлённой части порта, делалось всё темней и безлюдней. Тишина обступила Найдёнова. Слышались только хруст снега под его ногами да изредка доносившийся издали вскрик буксирного гудка.

На середине пути между стояжкой «Марии-Глории» и десятым причалом предстояло миновать узкий проход — там, где ковш делает крутой поворот. Приближаясь к этому проходу, Найдёнов невольно огляделся. Вокруг ни души. Проулок глядел чёрным зевом тени. Найдёнов опустил руку в карман с револьвером и вошёл в тень...

Витема, которому здесь незачем было разыгрывать роль Бэра, уже больше часа жался к стенке пакгауза. Холод начинал пробирать его, но он боялся выйти из тени и осторожно переминался с ноги на ногу. Сомнения начинали брать его: получил ли Найдёнов его записку? Решится ли войти в назначенное место? Что если он в пути столкнётся с Житковым?.. Витема взглянул на часы: восемь. Плая встречи казался уже окончательно сорвавшимся, когда Витема услышал скрип шагов. Это были уверенные шаги человека, знающего, куда он идёт, и направляющегося прямо в проход между пакгаузами, где стоял Витема.

Витема вынул пневматический пистолет и оттянул затвор.

В восемь часов тридцать минут вечера над головой дежурного санитаря портowego госпиталя раздался тревожный звонок. Санитар отложил газету и приотворил дверь. За ней никого не было. Он шире распахнул её, чтобы выглянуть на крыльцо, и почувствовал, что створка во что-то упёрлась. Санитар нагнулся и нашупал безвольное плечо мертвеца. Недалеке скрипели чьи-то быстро удаляющиеся шаги. Санитар хотел было последовать за ними, но раздумал и, поскорее втащив тело в прибивную, крикнул:

— Товарищ врач, мертвеца подкинули!

Бледные черты лежащего на полу человека ничего не говорили санитару: он не знал Найдёнова.

(Продолжение следует.)

Г Е Р О Ю

Абдильда Тажибаев

Льётся спокойная речь
Деревьев ночью порою:
Битву решает и меч,
И храброе сердце героя!

Прав ты, отважный боец Мелик,
Пчёлы и то дерутся за кров.
Мы люди великой советской земли,
Мы дети своих легендарных отцов.

Герой!
Я запомнил твои слова,
И сердце моё повторять не устанет:
— Я жив,
Если родина наша жива,
Я мёртв,
Если родина жить перестанет!

Перевёл с казахского Николай Берендгоф

Искусство

ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА

Ташкент, Омск, Куйбышев, Казань, Барнаул, Владивосток. Здесь, в разных концах нашей страны, в условиях военного времени, создавались новые цирковые номера и аттракционы разнообразнейших жанров. Тут и клоуны-буфф, и акробатические этюды — Л. Жирнова и Г. Попов, и воздушные гимнасты — П. Чернега и С. Разумов, два Бараненко, восьмилетняя наездница Валья Лерри, эквилибристы-рекордсмены Симато, мотоаттракцион под руководством А. Смирнова и др.

В Омске создавался под руководством А. Корнилова интересный аттракцион «Слоны и танцовщицы». Три индийских слона учились

выполнять воздушные аттракционы.

Прекрасно работают на взлетающей вверх двойной трапеции даровитые воздушные гимнасты Елена и Алексей Бараненко, с каждым годом совершенствующие своё мастерство.

...В разрушенном Сталинграде вскоре после победного окончания его героической обороны С. Разумов и его партнёрша П. Чернега начали работать над созданием воздушного аттракциона «Пропеллер в пике».

Техническая часть этого аттракциона, придуманного С. Разумовым, изготовлялась в полуразрушенных сталинградских паровозомонтажных мастерских и в

куполом, на прикрепленном к пропеллеру вращающемся двойным «бамбуке» (жерди), описывающем круги, с необычайной ловкостью, чёткостью, красотой и смелостью проделывают свои замечательные трюки гимнасты.

Повиснув вниз головой, С. Разумов держит в зубах канат, на котором его партнёрша П. Чернега делает «шпагат» и другие трудные акробатические фигуры. В аттракционе «Пропеллер в пике» работа артистов, подлинных мастеров трудного циркового дела, усложняется тем, что им приходится преодолевать центробежную силу...

Самый выдающийся номер первой программы творческого смотра новых цирковых номеров — воздушный аттракцион сестёр Кох.

Этот сложный номер создан и поставлен одним из старейших деятелей цирка — заслуженным артистом РСФСР Б. Кухарж-Кохом. Им придуман этот медленно поворачивающийся под куполом цирка гигантский эллипсоидный маятник, по узкому ребру которого проходят его дочери — Марта, Зоя и Клара Кох, — как бы чудом держась в воздухе.

Уже двадцать лет работают на арене старшие сестры — Марта и Зоя, заслуженные артистки РСФСР. Несомненно, запомнились московским зрителям их воздушный баланс на двойной проволоке. Сестры знают и заграницей, где они гастролировали с успехом.

Сложный и эффектный аттракцион, придуманный их отцом, даже этим опытным цирковым артисткам показался вначале технически недостижимым.

Сперва большинство трюков они репетировали на канате, натянутом всего в полуметре от земли. Затем началась работа на самом аппарате.

Скрытый от взоров публики, артист-гимнаст, сам прекрасно знающий законы ба-

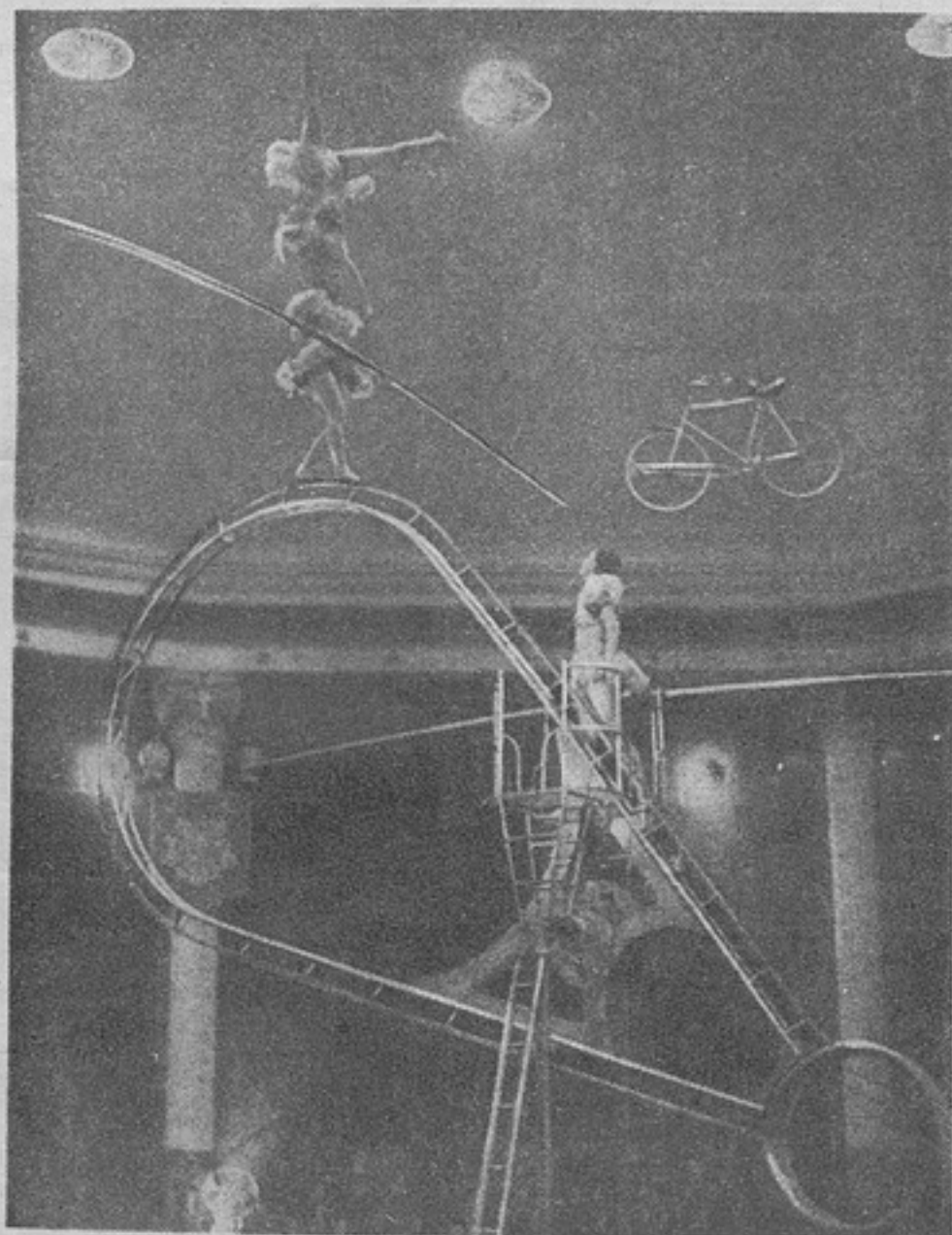
ланса, внимательно наблюдает снизу сквозь прозрачное небоющееся стекло верхней площадки за положением девушек, балансирующих в воздухе. Это он медленно поворачивает огромный аппарат, то замедляя, то убыстряя его ход...

С чеканной точностью, изяществом, чудесной лёгкостью, за которой не чувствуется алской трудности, работают талантливые и отважные артистки.

В сверкающих костюмах балерин, держа в руках золочённые балансы, идут они

ребра движущегося маятника на ещё более неустойчивую «опору» — большой шест, который только соприкасается с аппаратом и на котором сёстры держатся в воздухе только благодаря своему замечательному мастерству баланса. Это, пожалуй, кульминационный момент всего номера, заканчивающийся трюком с велосипедом.

В творческом смотре советского цирка видна в основном хорошая работа режиссёров — заслуженных артистов Ю. Юрского, Б.



Выступление сестёр Кох в сложном аттракционе под куполом цирка.

Фото Н. Волкова

балансируют на одной «ножке», дирижировать оркестром и «танцевать», изображая кавалеров, поддерживающих балерин. Легко ступая огромными ногами, пальцы которых кокетливо выкрашены в белую краску, точно на них наведён своеобразный «маникюр», гигантские животные с истинно слоновьей грацией проделывают незамысловатые па. Свои «танцы» слоны дополняют ритмическими и ловкими движениями хобота, которыми в нужные моменты подхватывают танцовщиц... Особенно хороши показанные во время смотра но-

одном из восстанавливаемых цехов знаменитого Тракторного завода. Когда не хватало рабочих рук, к токарному станку становился сам артист Разумов, в прошлом токарь...

И вот несмотря на все трудности работы уже летом 1943 года новый аттракцион демонстрировался с огромным успехом в Сталинграде, во вновь построенном цирке Шапито, ибо другого, более фундаментального здания не нашлось в городе-герое...

Номер «Пропеллер в пике» интересен по идее и по выполнению. Под самым



Сёстры Кох проезжают на велосипеде по узкому ребру гигантского семафора.

Фото С. Ларичева.

втроём по ребру гигантского маятника; этот же головокружительный путь совершает на пуантах одна Зоя, затем Марта переносит на голове младшую, двадцатилетнюю сестру Клару...

Вот сёстры переходят с

Кухарж-Кох, Б. Шахета, В. Жанто, А. Буслаева.

Как и всегда, порадовал новыми остроумными выходками, мягким юмором хорошо знакомый зрителям Кларан д'Аш.

М. Грубер



На арене — дрессированные индийские слоны.

Фото Н. Волкова

СПОРТ

ТРИ ТУРНИРА ПЛОВЦОВ

Готовясь к апрельским Всесоюзным соревнованиям, лучшие советские пловцы всю зиму тренировались в Московском бассейне. Работа пловца похожа на упражнения музыканта. Чтобы движения приобрели «чувство воды», а тело «расплавалось» к соревнованиям, пловцу нужна вода каждый день. Иначе даже мировой рекордсмен потеряет стиль и скорость, как бы хорошо физически он себя ни чувствовал.

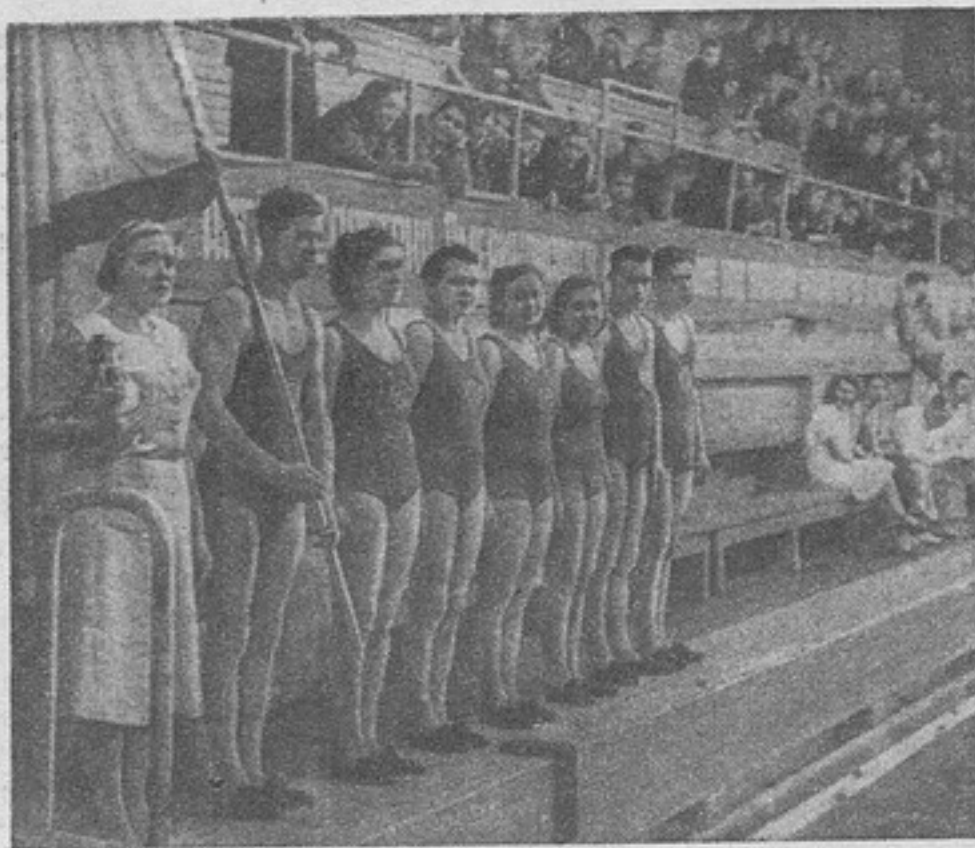
Из трёх крупных состязаний, предшествовавших апрельским, наиболее интересным был турнир лучших пловцов Профсоюзов. В нём участвовали: мировой рекордсмен Леонид Мешков и восемь чемпионов СССР.

Схватка двух сильнейших кролистов Европы Ушакова и Мешкова на стометровке была бурной. 75 метров (три дистанции по 25 метров) плыл впереди Мешков, но фатальной оказалась для него четвёртая длина бассейна. Его обошёл на финише Виталий Ушаков, закончивший проплыть за 59,5 секунды. Мешков проиграл 0,2 секунды.

В заплывах брассом Мешков не имел сильных конкурентов. Его главный противник Семён Бойченко в это время был в числе зрителей. Невысокие результаты Мешкова (на 100 метров 1 мин. 12,5 сек. и на 200 мет-



Вверху: Нина Трапезникова (о-во «Зенит», Ленинград). Внизу: В. Ушаков («Торпедо», Москва)
Фото Н. Волкова



Команда спортивного общества «КИМ», выигравшая первенство ВЦСПС по плаванию.

Фото Н. Волкова

ров 2 мин. 45,8 сек.) мало удовлетворили самого чемпиона, но обрадовали его сильного соперника.

Рекорды в плавании на боку установила Нина Трапезникова. Она вписала на доску рекордов новые результаты: на 100 метров — 1 мин. 20,5 сек. и на 200 метров — 2 мин. 53,9 секунды.

В сильнейшей конкуренции прошли заплывы кролем у женщин и на спине у мужчин. Десятикратная рекордсменка СССР Юлия Кочеткова ещё не «расплава-

лась». Из трёх дистанций кролем она выиграла — и то с большим трудом — дистанцию в 400 метров. В стометровке победительницей была Штеллер. Дистанцию в 100 метров первой финишировала одна из четырёх сестёр-пловцов — Евгения Второва, старший лейтенант медицинской службы.

Не имел сильных соперников лейтенант Иван Дмитриев, победитель соревнований «боковиков».

После профсоюзного первенства на водные дорожки вышли спартаковцы. Миро-

вой рекордсмен Семён Бойченко без больших усилий проплыл своим могучим баттерфлеем 100 метров за 1 мин. 10 сек. и 200 метров брассом за 2 мин. 46,2 секунды.

Чемпион и рекордсмен СССР плавания брассом Мария Соколова завоевала первенство на стометровой дистанции, проплыв четыре длины бассейна за 1 мин. 29,9 секунды.

Платон Ипполитов.
заслуженный мастер спорта.

Новые марки

В ознаменование героической обороны Сталинграда, Ленинграда, Одессы и Севастополя выпущены почтовые марки по эскизам художника Мамдрусова.

На марках запечатлены эпизоды исторических боёв с немецко-фашистскими захватчиками. С левой стороны каждой марки выделяется окружённая лавровой веткой медаль за оборону соответствующего города. Все марки имеют одинаковый номинал — 30 копеек.



Марка, посвящённая обороне Одессы, яркозелёная; Севастополя — синяя, Ленинграда — серо-зелёная. Марка, посвящённая битве за Сталинград, выпущена в двух цветах — коричневом и красном. В центре этой марки изображено окружение 6-й германской армии.

Инженер Морозов

НАУКА И ТЕХНИКА

ГЛАЗ И СТЕКЛА

Недавно в американском Институте улучшения зрения был проделан следующий опыт. У правого глаза одного человека укрепили оптическую систему, дававшую перевёрнутые изображения, а левый — плотно завязали. Человек оказался в мире, поставленном «вверх ногами». Он разговаривал с людьми с беспечностью мухи, дегазированной вниз головой, его потрясал вид полного стакана воды, стоявшего вверх дном, языков пламени, обращённых вниз...

— К концу первого дня у меня появилось почти непреодолимое желание и самому стать на голову: до того тошно было видеть вокруг себя этот дикий, опрокинутый мир, — рассказывал потом этот человек.

— Очень трудно было вставать, идти прямо, садиться. Хожение по улице оказалось невозможным, так как перевёрнутые автомоби-

ли и толпы людей, шедших в разные стороны вниз головой, вызвали приступы морской болезни. Казалось, что машины направляются прямо на меня.

Ночью стекла снимались, но оба глаза плотно завязывались. На третий день человек с «вывихнутым» зрением стал приспосабливаться к своему положению. Он смог без ошибок брать нужные ему вещи и даже понемногу начал забавляться своим странным состоянием. Но к концу недели его ожидал новый сюрприз: окружающий его мир, медленно поворачиваясь, начал становиться опять на ноги. Глаз справился со всеми ухищрениями оптики, проделав свой, внутренний трюк. Однако, когда стекла сняли, окружающее вновь перевернулось «вверх ногами», и глазу понадобилось ещё неделя, чтобы окончательно «прийти в себя».

Этот странный опыт не был просто научным курьёзом. Он явился звеном в

очень важной работе по улучшению зрения и устранению различных его дефектов, ранее считавшихся неизлечимыми. Опыт был необходим для изучения действия «машинной гимнастики» глаза. Машинные чрезвычайно деликатной конструкции заставляют глаз проделывать упражнения, восстанавливающие деятельность мышц и укрепляющие их.

На основании огромного числа опытов удалось сделать прибор для распознавания и лечения глазной болезни, очень опасной для лётчиков и шоферов. Болезнь заключается в неспособности видеть предметы достаточно рельефно, вследствие чего внешний мир становится «плоским» и человек неправильно судит о расстояниях между различными телами, в том числе между собою и мчащейся навстречу машиной. Дефект бывает разной степени, и далеко не всегда человек знает о нём, а между тем такое

искажённое представление о действительности может служить причиной самой тяжёлой аварии, если больному поручено управление каким-нибудь видом транспорта.

Не только глаза живых и мёртвых людей являются объектами изучения Института улучшения зрения. Он исследует глаза совы и пчелы, комнатной мухи и акулы. В результате появилась оптическая система фотоаппарата «Рыбий глаз», позволяющая получать замечательные снимки с самолёта, пролетающего над землёй на огромной высоте. Соответствующие приспособления дают возможность на этом странном, на первый взгляд, снимке расставить по своим местам и разрушенную, превращённую в мусор неприятельскую электростанцию, и казармы, замаскированные под невзрачные домики, и вокзал, уцелевший, но как будто уже совсем разрушенный.

В Бакинском полуфинале Всесоюзного шахматного первенства победителем вышел игравший вне конкурса гроссмейстер Лилленталь, набравший 8 очков из 11 возможных. Второе и третье места заняли Макогонов и Микенас, имеющие по 7½ очков. На четвертом месте с 6 очками оказался самый молодой мастер СССР по шахматам — Бронштейн. Все четверо будут участниками майского финала XIII Всесоюзного первенства в Москве.

Далее следовали: Панов и Эбралидзе по 5½ очков, Абрамян, Копзев и Чехов по 5 очков, Гольденев и Тайманов по 4½ и Кобленц 2 очка.

Следующая интересная партия играна в Бакинском полуфинале:

ПАРТИЯ № 8

Защита Нимцовича

Лилленталь (белые)	Кобленц (черные)
1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	e7—e6
3. Kb1—c3	Cf8—b4
4. e2—e3	b7—b6
5. Kg1—e2	Cc8—b7
6. a2—a3	Cb4—e7

Серьезная дебютная ошибка — необходимо было 6. ... C:c3+. Теперь белые без труда получают значительное преимущество.

7. d4—d5!
Предупреждая d7—d5 и имея в виду в дальнейшем продвижение пешек e и f.

7. ... e6:d5
Лучше было пока избегать этого размена, так как ослабляется пункт f5.

8. c4:d5 b6—b5
Этот маневр несколько не облегчает положение черных.

9. Ke2—g3 b5—b4
10. a3:b4 Ce7:b4
11. Cf1—c4 0—0
12. 0—0 a7—a5
13. e3—e4 Lf8—e8
14. Lf1—e1 d7—d6

Ввиду угрозы e4—e5 черным приходится делать этот

ещё более ослабляющий их позицию ход:

15. Cc4—b5 c7—c6
16. Cb5—a4 Le8—f8
17. Kg3—f5 Kf6—e8

Интересен вариант: 17. ...

C:c3; 18. bc, cd; 19. ed, K:d5; 20. Fg4, Ff6; 21. Cg5, F:c3; 22. Ch6! и выигрывает. Или 21. ... Fg6, 22. Kh4, Fd3; 23. Ch6, F:c3; 24. Kf5 опять с той же позицией.
18. Le1—e3 Kpg8—h8
19. Le3—h3 g7—g6
20. Fd1—d2! h7—h5
21. Fd2—h6+



Заключительная позиция. Черные сдались. На 21. ... Kpg8 следует 22. Cg5, Fd7; 23. Cf6! с неизбежным матом.

СМЕСЬ

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ГАЗЕТЫ

Зачатки газеты в России относятся к XVII веку. Тогда из донесений заграничных агентов в московском Посольском приказе составлялись для царя особые извлечения, так называемые куранты. Основателем печатной газеты явился Пётр I. В 1702 году по его указу был напечатан «Юрнал», повествовавший об осаде крепости Нотебург, а 2 января 1703 года вышел первый номер «Ведомостей о военных и иных делах, случившихся в Московском государстве и иных окрестных странах». Эта первая русская газета печаталась в количестве одной тысячи экземпляров. С конца 1725 года «Ведомости» стали называться «Российскими», а с 1728 года они превратились в «Санктпетербургские ведомости», выходящие дважды в неделю. Издание их было поручено Академии наук.

Первой частной газетой в России считается выходившая в 1759 году «Праздное время», в пользу употребления. Это издание содержало статьи научного и литературного характера, а также анекдоты и сведения, заимствованные из иностранных газет.

БОГАТСТВА МОРСКИХ НЕДР

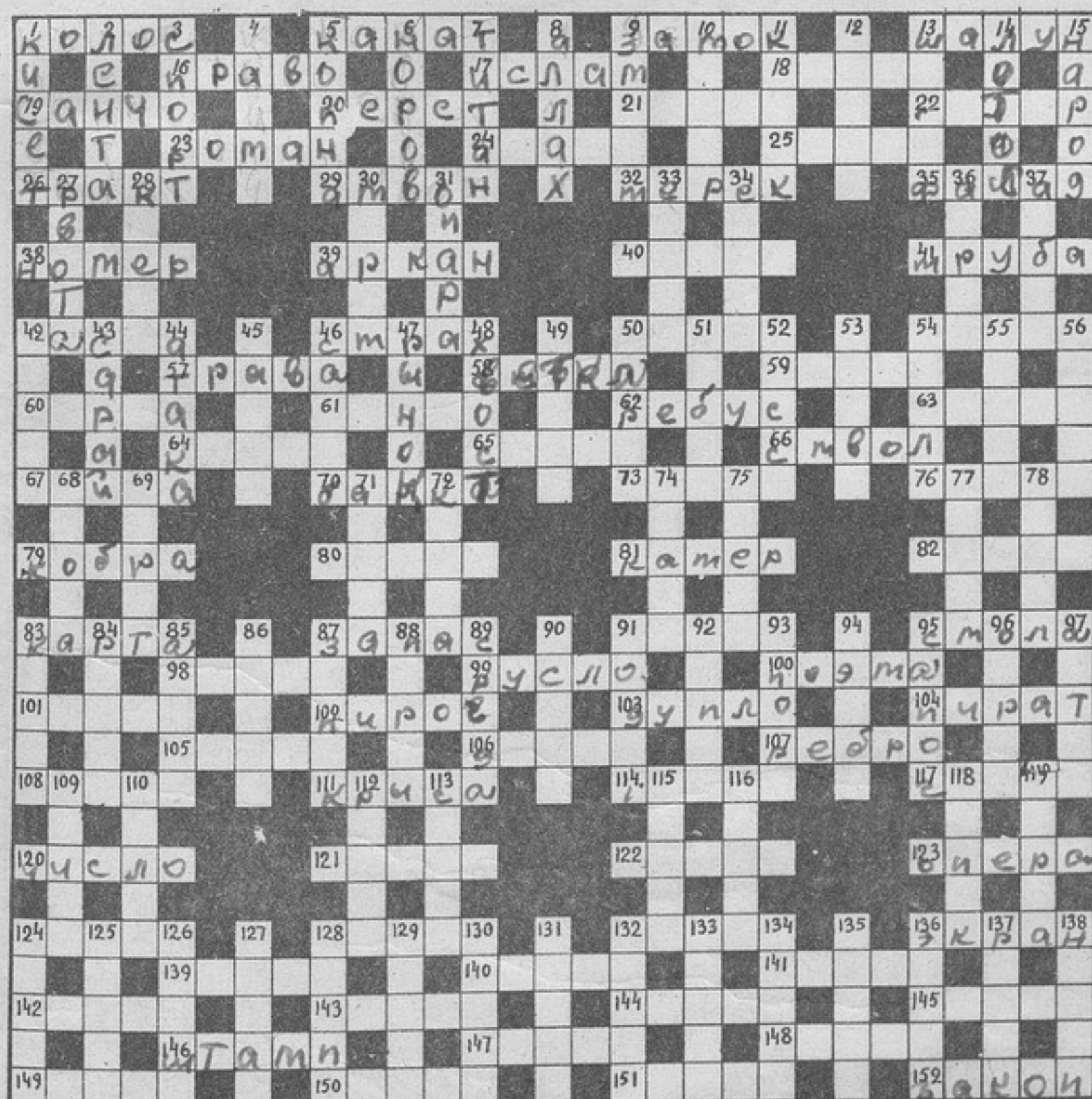
В морской воде содержится 3% соли — это значит, что в одном кубическом километре морской воды заключается около 30 миллионов тонн соли.

Подсчитано, что из того же кубического километра морской воды можно извлечь 2 тысячи тонн алюминия, 1,5 миллиона тонн магния, 70 тысяч тонн брома, 50 тысяч тонн иода и до 50 килограммов золота. Однако извлечение золота из морской воды невыгодно, так как стоимость добычи 1 грамма почти вдвое превышает цены на этот металл.

КРОССВОРД

(Каждое слово из пяти букв)

Составил читатель «Огонька» Л. С. Смирнов.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Часть злакового растения. 5. Продукция пенькокожуховых заводов. 9. Здание. 13. Проказник. 16. Занятость. 17. Религия. 18. Решение вопроса. 19. Имя персонажа в романе «Дон-Кихот». 20. Палец. 21. Образ жизни. 22. Часть мотора. 23. Литературное произведение. 24. Состояние возбуждения. 25. Шумная толпа.

26. Дорога. 29. Возвышенная часть в церкви. 32. Река на Кавказе. 35. Передняя часть здания. 38. Комната в гостинице. 39. Петля. 40. Музыкальное произведение. 41. Медный музыкальный инструмент. 42. Мазь. 46. Вояка. 50. Троянский царь. 54. Кушанье. 57. Луговое растение. 58. Часть дерева. 59. Представитель народа, живущего в Азии. 60. Кровеносный сосуд.

61. Дамская верхняя одежда. 62. Задача-загадка. 63. Бульон. 64. Болезненный нарост. 65. Огородное растение. 66. Часть ружья. 67. Секрет. 70. Часть толка. 73. Цветок. 76. Французская колония в Азии. 79. Змея. 80. Кушанье. 81. Посыльное судно. 82. Минерал. 83. Учебное пособие. 87. Результат заготовки. 91. Композитор. 95. Сок хвойных деревьев. 98. Город на Северном Кавказе. 99. Ложе реки. 100. Поэтическое произведение. 101. Ящик из лубка. 102. Кондитерское изделие. 103. Пустота в стволе дерева. 104. Морской разбойник. 105. Семя злакового растения. 106. Женское имя. 107. Часть грудной клеточки. 108. Порода собак. 111. Мелкое хищное животное. 114. Оболочка плода или овоща. 117. Пресноводный полип. 120. Арифметическая величина. 121. Офицерское собрание во французской армии. 122. Марка автомашины. 123. Театральная пьеса. 124. Остров в Вест-Индии. 128. Танец. 132. Имя героя одной из повестей Н. В. Гоголя. 136. Часть кинозала. 139. Вид полиграфической продукции. 140. Отжим винограда. 141. Припособление на яхте. 142. Часть человеческого тела. 143. Вяленая рыба. 144. Вокальное исполнение. 145. Один из деятелей возрождения Италии. 146. Клеймо. 147. Порода диких собак. 148. Поэтическое произведение. 149. Стеклообразный сосуд. 150. Мешок. 151. Материя. 152. Государственное установление.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Мешочек для табака. 2. Женское украшение. 3. Физкультура. 4. Край материи. 5. Грудь, куца сжатого хлеба или сена. 6. Упрямство. 7. Гигант. 8. Имя единого бога у мусульман. 9. Мята. 10. Грызун. 11. Остров в Эгейском море. 12. Морской термин. 13. Выходание. 14. Цветок. 15. Нация, население государства. 27. Признак отравления организма. 28. Созвездие южного полушария. 30. Деятель французской революции XVIII века. 31. Тесто. 33. Геодезический знак. 34. Необходимое пособие на войне. 36. Мужское имя. 37. Благословение. 42. Население. 43. Надгробная постройка. 44. Наступление. 45. Мазь для обуви. 46. Отростковый материал. 47. Базар. 48. Часть тела животных. 49. Продукция металлургических заводов. 50. Школьная мебель. 51. Город в СССР. 52. Посуда. 53. Неправильное состояние. 54. Болотная трава. 55. Ограда на Ближнем Востоке. 56. Дровяной домик. 58. Операция. 59. Город в Советской Эстонии. 71. Хищная морская рыба. 72. Мошеничество. 74. Страна света. 75. Ум. 77. Рыба. 78. Восточное имя. 83. Подвижник. 84. Торговая точка. 85. Сушёный виноград. 86. Курорт на Кавказе. 87. Способ заготовки овощей впрок. 88. Воздушение. 89. День недели. 90. Частица пламени. 91. Сорняк. 92. Физик. 93. Термин из ботаники. 94. Спортивная игра. 95. Обувь. 96. Бытовая условность. 97. Болезнь. 109. Богиня древней Греции. 110. Приветствие. 112. Место зрелища. 113. Представитель одного из древних племён. 115. Материал для окраски. 116. Красота, украшение. 118. Участник игры. 119. Часть театральной сцены. 124. Танец. 125. Воплощение совершенства. 126. Болезненное состояние. 127. Один из советских республик. 128. Смазочное вещество. 129. Комплект. 130. Военная операция. 131. Дерево. 132. Отук, производимый ногами. 133. Доход от ценных бумаг с твёрдым курсом. 134. Кичливость, высокомерие. 135. Войско. 136. Набросок. 137. Упражнение в тяжёлой атлетике. 138. Один из императоров древнего Рима.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 11 «ОГОНЬКА»

По горизонтали:

1. Араб. 3. Агат. 6. Салют. 7. Опиум. 9. Лидер. 10. Хлеб. 11. Икра. 13. Оброд. 15. Адамс. 18. Факел. 20. Русалка. 23. Герой. 26. Армия. 29. Штамп. 31. Роза. 32. Бред. 33. Хомут. 34. Апорт. 35. Автол. 36. Рвач. 37. Яшма.

По вертикали:

1. Альбом. 2. Атлас. 4. Город. 5. Тишина. 6. Солд. 8. Мороз. 10. Храм. 12. Алла. 14. Ромашка. 16. Автор. 17. Сарай. 18. Фраза. 19. Калым. 21. Угар. 22. Лард. 24. Егза. 25. Оратор. 27. Работа. 28. Идеал. 29. Шахта. 30. Потап.



Бор. Ефимов - 44

Купальный сезон 1944 года

Рисунок Бор. Ефимова

1944 г.
П. Акт № Н-480/31